ВЕСТНИК ДОНЕЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 06. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ №1 2025

Вестник Донецкого университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1997 году

Серия 06 Юридические науки

1/2025

Редакционная коллегия журнала
«Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки»

Главный редактор – д-р юрид. наук, проф. **С.Н. Бабурин.**

Зам. главного редактора – д-р юрид. наук, проф. **Н.В. Барбашова.**

Ответственный секретарь – канд. юрид. наук, доц. **Е.А. Матвиенко,** ст. преп. **К.Е. Свиридова.**

Члены редколлегии: д-р юрид. наук, проф. **В.Б. Исаков**, д-р юрид. наук, проф. **В.В. Груздев**, д-р юрид. наук, проф. **А.И. Левченков**, д-р юрид. наук, доц. **Е.М. Сынкова**, д-р юрид. наук, проф. **А.Д. Керимов**, д-р юрид. наук, проф. **А.А. Вишневский**, д-р юрид. наук, проф. **О.Г. Чутчева**, д-р юрид. наук, проф. **И.И. Шамшина**, д-р юрид. наук, проф. **Ю. Г. Торбин**, д-р юрид. наук, доц. **В. М. Пашин**, д-р юрид. наук, доц. **Е.В. Фоменко**, д-р юрид. наук, доц. **Е.В. Годованик**, д-р юрид. наук, проф. **Д.К. Лабин**, д-р юрид. наук, проф. **А.С. Скаридов**.

The Editorial Board of the journal
«Vestnik of Donetsk University. Series 06. Legal Sciences»

Editor-in-Chief – Dr. of Law, Prof. **S.N. Baburin.**

Deputy Editor-in-Chief – Dr. of Law, Prof. **N.V. Barbashova.**

Executive Secretary – Cand. of Law, Associate Professor **E.A. Matvienko**, Senior lecturer **K.E. Sviridova**.

Editorial board members: Dr. of Law, Prof. **V.B. Isakov**, Dr. of Law, Prof. **V.V. Gruzdev**, Dr. of Law, Prof. **A.I. Levchenkov**, Dr. of Law, Associate Professor **E.M. Synkova**, Dr. of Law, Prof. **A.D. Kerimov**, Dr. of Law, Prof. **A.A. Vishnevsky**, Dr. of Law, Prof. **O.G. Chutcheva**, Dr. of Law, Prof. **I.I. Shamshina**, Dr. of Law, Prof. **Yu. G. Torbin**, Dr. of Law, Associate Professor **V. M. Pashin**, Dr. of Law, Associate Professor **E.V. Fomenko**, Dr. of Law, Associate Professor **E.V. Godovanik**, Dr. of Law, Prof. **D.K. Labin**, Dr. of Law, Prof. **A.S. Skaridov**.

Адрес редакции: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: redact.dongu.jur@mail.ru **URL:** https://dongu-vestnik06.ru

Журнала «Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки» осуществляет публикацию статей по всем отраслям юридической науки, представляющих теоретическую и практическую значимость. Журнал включает следующие основные разделы:

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ
В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.4. Уголовно-правовые науки
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
В рубрике публикуются статьи по группе научных специальностей 5.1.5. Международно-правовые науки

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

Издается по решению Ученого совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»: Протокол №2 от 28.02.2025 г.

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2025

Вестник Донецкого университета

Серия 06. Юридические науки

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

№ 1/2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Павленко П.И. Современное состояние и развитие концепции «гражданское общество»: теоретико-прикладной аспект……... 5

Степанова Ю.С. Проблематика юридической техники в условиях цифровизации общественных отношений…… 13

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Поляков В.Ю. Правовая природа народного суверенитета……. 19

Усатенко К.П. Некоторые аспекты формирования органов государственной власти в Донецкой Народной Республике в переходный период……. 24

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Асеева Н.В., Гокунь Ю.С. Особенности медиации в семейных спорах…… 32

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Тимошенко Н.А. Проблемы соблюдения адвокатами правил профессиональной этики в уголовном судопроизводстве……. 37

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Кулакова Е.В. Юридическая природа международной ответственности государств в условиях фрагментации международного права……. 43

ИНФОРМАЦИОННАЯ РУБРИКА

Правила для авторов…… 48

Vestnik of Donetsk University

Series 06. Legal sciences

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

№ 1/2025

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Pavlenko P.I. The current state and development of the concept of «civil society»: theoretical and applied aspect…… 5

Stepanova Yu. S. Problems of legal technology in the conditions of digitization of public relations……..…… 13

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Polyakov V.Yu. Features of international legal recognition of state educations…… 19

Usatenko K.P. Some aspects of the formation of public authorities in the Donetsk People's Republic during the transition period…….. 24

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Aseeva N.V., Gokun J.S. Features of mediation in family disputes…… 32

CRIMINAL LAW SCIENCES

Timoshenko N.A. Problems of compliance by lawyers with the rules of professional ethics in criminal proceedings……...……...…… 37

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Kulakova E.V. Nature of international responsibility of states in the context of the fragmentation of international law……. 43

INFORMATION SECTION

Instructions for author……...…… 48

Т Е О Р Е Т И К О-И С Т О Р И Ч Е С К И Е П Р А В О В Ы Е Н А У К И

УДК 340.12:316.343-054.5
DOI 10.5281/zenodo.17645479

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

© 2025. *П.И. Павленко*

Статья акцентирует внимание на том, что значение гражданских инициатив в решении различных вопросов в различных сферах жизни и деятельности общества и государства постоянно растет. Это приводит к тому, что проблематика гражданского общества не теряет своей актуальности и продолжает привлекать научный интерес. Автором ставится задача определить особенности научной категории «гражданское общество», обобщить результаты научных исследований относительно существенных признаков, структуры и общественного назначения гражданского общества.

***Ключевые слова*:** гражданское общество, государство, социальное явление, теоретическая категория, правовые исследования.

Введение. На современном этапе развития Российской Федерации вопрос преобразования гражданского общества приобрел особую актуальность. Это обусловлено тем, что значение гражданских инициатив при решении различных вопросов практически во всех сферах жизни и деятельности, особенно в социальной и политической, отечественного общества и государства неуклонно растет. Как указано в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, необходимостью является взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества. Согласно документу, целями и задачами государственной национальной политики Российской Федерации являются: взаимодействие и совершенствование взаимодействия государственных и муниципальных органов с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации; объединение усилий государственных и муниципальных органов и институтов гражданского общества для укрепления единства российского народа, достижения межнационального мира и согласия; использование потенциала институтов гражданского общества, в том числе национальных и многонациональных общественных объединений граждан, национально-культурных автономий, в целях гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, совместного противодействия росту межнациональной напряженности, экстремизму, разжиганию этнической и религиозной ненависти либо вражды [1]. Реализация Стратегии предусматривает развитие институтов гражданского общества, их участие в формировании и реализации государственной и региональной политики, в социально-политическом развитии России. Государство для этого должно создавать благоприятные условия и стимулировать соответствующую деятельность. В связи с этим возникает острая необходимость в исследовании гражданского общество как социальной, политической и правовой категории.

Основная часть. Важность вопроса развития и совершенствования гражданского общества далеко не ограничивается Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации. На сегодняшний день уже считаются важными и значимыми нормативные положения, которые содержатся в Конституции РФ (ст. 114, ч. 1, п. е.1.) [2], Федеральном конституционном законе от 06.11.2020 №4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (ст. 20) [3], Указе Президента РФ от 30.01.2019 № 30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества» [4] показывают насколько для представителей российской власти является важным вопросом сотрудничество, поддержка и развитие институтов гражданского общества. Актуальным этот вопрос является как для российской власти и законодателя, так и для российского научного сообщества.

За последние 20 лет проблематика гражданского общества остается в кругу внимания специалистов из разных отраслей знаний. С позиции политологической науки в последнее время её активно исследовали: В. П. Воротников, Е. В. Галкина, В. Г. Доманов, О. В. Малахова, А. И. Сергеев, Е. А. Федорова и др.; с позиции философских знаний: А. С. Антипова, С. Л. Баяхчева, А. И. Будов, О. Н. Ганин, Н. Х. Мухтярова, В. В. Шалин и др.; с позиции знаний в области социологии: А. В. Беляев, Л. В. Колпина, И. Ю. Новичкова, И. Г. Рыженкова, Т. А. Самойлова, О. И. Холина. Также, не оставили вне своего внимания проблематику гражданского общества и ученые-юристы. В частности, дефиниции, характерные особенности, структуру, функции и проблемы, которые в той или иной степени касались становления гражданского общества изучали и анализировали специалисты по теории и истории государства и права, среди которых: К. А. Грандонян, И. Ж. Искаков, О. И. Касич, А. Г. Кучерена, Е. А. Парасюк, С. С. Худяков и др. Однако, в связи с постоянными социальными трансформациями, вызванными в международно-политической и внутригосударственной политической сферах, актуальность проблематики гражданского общества как государственного и социального явления, научный интерес и внимание со стороны представителей власти продолжают оставаться высокими.

Целевая направленность данного исследования состоит в привлечении внимания к институту гражданского общества, как к одному из главных приоритетных направлений в российском государстве, к определению особенности научной категории «гражданское общество», в обобщении результатов научных исследований относительно характерных признаков, структуры и общественного назначения гражданского общества.

В начале, рассматривая категорию «гражданское общество» с позиции философских знаний и общетеоретических основ, следует отметить что в словаре русского языка «категория» рассматривается в нескольких значениях: в философском значении – это понятие, отражающее наиболее общие свойства и связи явлений материального мира; в научной терминологии – это родовое понятие, обозначающее разряд предметов или наиболее общий их признак [5, с. 40]. Категориями являются наиболее абстрактные понятия, суждения и умозаключения, которые в наиболее точной, компактной и емкой форме выражают знания и становятся основанием исследований логики [6, с. 247]. Одной из таких категорий является категория «гражданское общество», которая формирует знания о связях и отношениях в обществе и становится основанием исследований социальной сущности гражданского общества и его влиянии на государство. Это многослойная категория, которая включает суждения и умозаключения из различных областей знаний – философии, политологии, социологии, психологии, истории, экономики и юриспруденции. Используя наработки научных сотрудников Института философии, социологии и права НАН РА доктора наук

Г. С. Костаняна и кандидата наук Л.А. Казанчяна, можно выделить следующие аспекты этой категории: социологический (гражданское общество – совокупность неполитических отношений); идеологический (в идеале гражданское общество – это общество таких личностей, которые наделены широкими личными и политическими правами, активно участвуют в управлении государством, создают общественные организации, движения и партии); экономический (гражданское общество предполагает многообразие форм собственности, рыночную экономику и т.п.); политический (гражданское общество тесно взаимодействует с государством, участвует в организации и осуществлении государственной власти); правовой (гражданское общество функционирует на основании и в пределах действующего законодательства, его основы заложены в Конституции и других законодательных актах государства); моральный; национальный и тому подобное [7, с. 4-5]. Таким образом, учёные подчёркивают многовекторность и разнонаправленность этой категории, пересечение разнообразных целей и задач, которые говорят о свободном развитии общества и о, в определённой степени, автономности от государства, а именно, от государственно-властных структур.

Значительное внимание гражданскому обществу уделяют и представители юридической науки. Учёные правоведы поддерживают вышеобозначенную точку зрения и также рассматривают гражданское общество как особую автономную общественную сферу, отделенную от государства, предусматривающую создание и функционирование добровольных и самоуправляющихся институтов, способствующих гражданам в их свободном развитии и самореализации. Именно эти институты формируют представления об общих интересах и общем благе, осуществляют общественный контроль над всеми общественными сферами [8, с. 325]. Профессор З. К. Аюпова, размышляя о гражданском обществе приходит к выводам, что это система взаимодействия в пределах права свободных и равноправных граждан государства и их объединений, добровольно сформировавшихся и состоящих в отношениях конкуренции и солидарности, вне непосредственного вмешательства государства, призванного создавать условия для их свободного развития. Ученая акцентирует внимание на то, что гражданским можно назвать не любое общество, а только такое, которое обозначается развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между его членами, является независимым от государства, но взаимодействует с ним [9, С. 28-29]. Этот акцент на одну из особенностей гражданского общества действительно является очень важным, а возможно и ключевым, поскольку в таких условиях формируются партнёрские отношения с государством, а не отношения на принципе соподчиненности (иерархичности). Для современного российского государства ориентированного на проявление народовластия, уважение и гарантирование прав и свобод, развитие человека и общества, разработку и внедрение программ поддержки и помощи институтам гражданского общества крайне значимо найти точку сотрудничества между властью представителями социальных структур. По мнению автора данного исследования, в условиях политической нестабильности и борьбы на международно-политической арене и арене боевых военно-политических действий, высшему руководству страны необходим не только внешний союзник, в виде зарубежных государств, но и внутренний союзник в виде гражданского общества. Поэтому, выбор в сторону партнерства между государством и институтами гражданского общества будет правильным и верным шагом на пути к всестороннему укреплению государства.

Продолжая рассмотрение гражданского общества с позиции юридической науки необходимо отметить, что в общетеоретической юридической науке выделяют ассоциативный, структурный и функциональный аспекты понимания гражданского

общества и приводят соответствующее многоаспектное определение, согласно которому, гражданское общество – это исторический тип в развитии человеческого общества, его конкретная качественная характеристика; сфера самовыявления и реализации потребностей и интересов свободных индивидов через систему отношений (экономических, социальных, религиозных, национальных, духовных, культурных); совокупность структурных элементов (организаций (политических партий, ассоциаций) и различных объединений (профессиональных, творческих, спортивных, конфессиональных и т.п.)), которые охватывают все сферы общественной жизни и являются своеобразным регулятором свободы человека. При этом, упор делается на то, что, несмотря на структурированность, гражданское общество прежде всего является обществом, в котором приоритетное значение имеют интересы человека. Кандидат наук, доцент Грачёв В.С. также акцентируют внимание на том, что в центре всех институтов гражданского общества должна быть конкретная личность и всестороннее развитие ее потенциала, а государство как инструмент этого развития должно обеспечить необходимые идеологические, политические и моральные условия, соответствующую бюджетную политику [10, с. 42]. В Российской Федерации уже сейчас создаются и развиваются национальные проекты – «Развитие системы поддержки молодёжи («Молодёжь России»)», «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», «Социальные лифты для каждого», «Социальная активность», «Демография», «Цифровая образовательная среда», целью которых является создание условий для эффективной самореализации граждан, обеспечение функционирования системы патриотического воспитания граждан, создание для граждан возможностей для профессионального и карьерного роста, развития и поддержки добровольчества (волонтёрства). Вместе с тем, реализуется главная цель – всестороннее развитие личности и ее потенциала и обеспечение необходимых идеологических, политических и моральных условий со стороны государства, что подчеркивает желание государства вести целенаправленную работу по созданию институтов гражданского общества.

В вопросе определения и понимания гражданского общества ученые-конституционалисты солидарны во мнении со специалистами в области теории права и отмечают важность вышеобозначенных мер, направленных на формирование данного института. Так, по определению авторитетного российского конституционалиста М. В. Баглая, гражданское общество независимо от государства и стоит над ним, оно строится на признании свободы и инициативы человека и объединений людей как в политической, так и в экономической областях. Ученый указал на такие составляющие гражданского общества, как: совокупность отношений (моральных, правовых, политических, экономических, в том числе, собственность, труд, предпринимательство, организация и деятельность общественных объединений); сферы воспитания, образования, науки и культуры; система средств массовой информации; семья и т.д. [11, с. 18].

Представляя свою точку зрения, А. И. Казанник и А. Н. Костюков также рассматривают гражданское общество как систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, обеспечивающих условия для реализации частных интересов и потребностей индивидов и коллективов, для жизнедеятельности социальной и духовных сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению. Упомянутые ученые предложили более детализированную структуру гражданского общества как совокупность следующих элементов: личность; семья; частные предприятия и хозяйственные организации; экономические ассоциации и объединения; профсоюзы; местное сообщество; социальные группы и слои населения,

средний класс; религиозные организации; общественные объединения; политические партии; политические и общественные движения; независимые СМИ [12, с. 167].

Для понимания сущности гражданского общества, заслуживает внимания научный подход выдающегося российского учёного Н. И. Матузова, по мнению которого, гражданское общество – это более высокая ступень в развитии социальной общности, мера его зрелости, разумности, справедливости, человечности. К структурированию гражданского общества как целостного явления упомянутый ученый реализовал оптимальный подход – все его элементы он систематизировал в рамках двух основных компонентов. Первый – система социальных институтов, элементами которой являются: семья, общественные, религиозные организации, профессиональные союзы, политические партии, СМИ, предпринимательские структуры, местное самоуправление. Второй – совокупность отношений. Отметим, что ученый предложил более расширенный, по сравнению с предварительно изложенными вариантами, перечень отношений, которые поддерживаются в гражданском обществе, и, акцентировал внимание на том, что они являются развитыми, кроме того, отметил, что государственное регулирование и вмешательство в них является минимальным. Ученый подчеркнул, что эта система социальных институтов и отношений основывается на принципах социальной свободы, равенства, права и демократии [13, с. 83].

Еще более широкий реестр институтов гражданского общества предложили П. С. Баринов и В. А. Катомина. Учёные взяли за основу институциональный подход, согласно которому субъекты можно классифицировать по сфере и специфике осуществляемой ими деятельности. Таким образом, институты гражданского общества представлены: политическими партиями, общественно-политическими организациями и движениями (представители гражданского общества в политической сфере); общественными организациями, общественными движениями, социальными учреждениями, органами местного самоуправления (сообществами), учреждениями образования, общественными фондами, домохозяйствами, финансовыми компаниями, банковскими учреждениями (представители гражданского общества в социально-экономической сфере); церковью (религиозными организациями, конфессиональными объединениями), учреждениями культуры (театры, музеи, библиотеки, выставочные центры), творческими ассоциациями, специализированными объединениями и кружками, фан-клубами и сообществами (представители гражданского общества в духовной и культурной сферах) и др. [14, с. 29]. В современных условиях перечень институтов гражданского общества может быть расширен за счёт актуальных неформальных объединений граждан – групп в социальных сетях, флешмобов, волонтёров, групп поддержки определенных петиций и т.д.

Анализ научных разработок по проблематике исследования позволил выявить существенные признаки, характеризующие гражданское общество. Прежде всего, это признак, который определяет, что данное общество – это общество, члены которого добровольно объединяются в группы на основе общих специфических интересов и потребностей с целью их удовлетворения. Гражданское общество в целом и его институты в частности, как уже упоминалось выше, являются в определенной степени независимыми от государства, в частности в вопросе разграничения компетенций и полномочий. В то же время, гражданское общество тесно сотрудничает с государством для более эффективного решения актуальных вопросов жизнедеятельности общества и государства. Общество имеет определенную структуру, при чём, чем более разнообразной, чёткой и сложной она является, тем более высоким является уровень развития такого общества и более существенным является его влияние на принятие

управленческих решений. Чаще всего наивысшей ценностью гражданского общества является человек, его права, свободы, интересы, в отличии от государства, где такой ценностью является политический и идеологический курс государства.

Кроме того, другие признаки гражданского общества позволяют утверждать, что данная категория может трактоваться как: совокупность личностей, которые являются свободными в выборе форм и средств производства, профессиональной деятельности (экономический аспект), форм образования, осуществлении интеллектуальной деятельности, выражении своих взглядов и убеждений (культурный, духовный аспект), волеизъявлении во время выборов и референдумов (политический аспект); открытая социальная система, которая формируется и функционирует под влиянием различных внешних факторов, среди которых особую роль играет государство и политика по содействию развитию общественных институтов; сложно структурированная система, предусматривающая не только наличие необходимых подсистем, компонентов и элементов, но и поддержание взаимосвязей между ними.

Значение гражданского общества для развития конкретного человеческого сообщества невозможно переоценить. Оно обеспечивает как дифференциацию членов такого общества в зависимости от социально-экономических, политико-идеологических, морально-ценностных и иных факторов, так и интеграцию общества на основе определенных норм и ценностей, является способом и формой его самоорганизации и самовыражения.

Социальное назначение гражданского общества раскрывается через его функции – основные направления влияния на государство, общество, его группы, конкретных людей. Следует отметить, что функционал гражданского общества существенно расширился в контексте реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [1]. Так, была усилена роль гражданского общества в процессе взаимодействия с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами и органами местного самоуправления при реализации государственной национальной политики Российской Федерации. Повышена роль организаций гражданского общества в идеологическом, культурном, духовном и политическом развитии для укрепления единства российского народа, достижения межнационального мира и согласия.

Выводы. В результате проведенного исследования автор пришёл к следующим выводам. Гражданское общество – сложная категория, сущность которой проявляется в экономическом, социальном, социологическом, политическом, правовом, моральном, национальном и других аспектах. Существенными признаками этого феномена являются: его структурированность по видам отношений и общественных институтов; независимость и одновременно тесная взаимосвязь с государством на основе разграничения компетенций; признание как высшей ценности человека, его прав, свобод и законных интересов и тому подобное. Социальное назначение гражданского общества раскрывается через его функции, содержание и объем которых на современном этапе расширяется. Перспективным в направлении исследования является изучение гражданского общества, исходя из концепции трех секторов – государственного, частного и непосредственно общественного как совокупности негосударственных, некоммерческих организаций. В будущем, по мнению автора статьи, представляется важным всестороннее изучение особенностей трансформационного процесса развития гражданского общества, связанного с изменениями в сфере политики, идеологии, экономики и социологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 / Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119/ (дата обращения: 20.12.2024). – Загл. с экрана.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.12.2024). – Загл. с экрана.
3. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 N 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950/ (дата обращения: 20.12.2024). – Загл. с экрана.
4. Указ Президента Российской Федерации от 30.01.2019 г. № 30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества» // Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43944 (дата обращения: 20.12.2024). – Загл. с экрана.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2. К – О. – 1999. – 736 с.
6. Бородина, Н. В. Особенности интерпретации понятия «Категории» в современной логике и философии / Н. В. Бородина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2010. – № 2. – С. 247–251.
7. Костанян, Г. С. Сущность и особенности понятия «гражданское общество» / Г. С. Костанян, Л. А. Казанчян // Sciences of Europe. – 2021. – № 70. – С. 3–6.
8. Рогожевский, Е. И. Соотношение государства и гражданского общества / Е. И. Рогожевский // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2015. – № 3(53). – С. 325–326.
9. Аюпова, З. К. Гражданское общество и правовое государство / З. К. Аюпова, Д. У. Кусаинов, Г. Д. Рахимова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы III Международной научно-практической конференции. (Москва, 14–15 октября 2020 года) – Москва, 2021. – С. 27–29.
10. Грачёв, В. С. Структура гражданского общества, его субъекты и правовые институты / В. С. Грачёв // Закон и право. – 2019. – № 1. – С. 41–42.
11. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М. В. Баглай. – 13-е изд., изм. и доп. – Москва: Норма: Инфра-М, 2018. – 767 с.
12. Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т.; под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 478 с.
13. Матузов, Н. И. Гражданское общество: Сущность и основные принципы / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1995. – № 3. – С. 83–93.
14. Баринов, П. С., Катомина, В. А. Институты гражданского общества: общетеоретический аспект / П. С. Баринов, В. А. Катомина // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 2(34). – С. 24–31.

Поступила в редакцию 13.01.2025 г., рекомендована к печати 27.01.2025 г.

THE CURRENT STATE AND DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF «CIVIL SOCIETY»: THEORETICAL AND APPLIED ASPECT

Pavlenko P.I.

The article focuses on the fact that the importance of civic initiatives in solving various issues in various spheres of life and activities of society and the state is constantly growing. This leads to the fact that the problems of civil society do not lose their relevance and continue to attract scientific interest. The author sets the task to identify the features of the scientific category "civil society", to summarize the results of scientific research on the essential features, structure and social purpose of civil society.

Keywords: civil society, state, social phenomenon, theoretical category, legal research.

Павленко Павел Иванович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: pavelpavlenko77@yandex.ru

Pavlenko Pavel Ivanovich
Candidate of law, Associate Professor, Associate Professor at Department of Theory and History of State and Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: pavelpavlenko77@yandex.ru

УДК 340.113:004
DOI 10.5281/zenodo.17692509

ПРОБЛЕМАТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2025. *Ю.С. Степанова*

В статье ставится задача исследовать особенности развития юридической техники в современных условиях цифровизации общественных отношений. Использование юридической техники в условиях цифровизации общественных отношений автором видится через призму особенностей электронных документов в целом, и нормативных правовых актов в электронной форме в частности. Исходя из этого, нормативный правовой акт в электронной форме представлен автором как принципиально новый тип документа по сравнению с документом на бумажном носителе, который не имеет материальной формы и содержит расширенный объем реквизитов – метаданных, позволяющих в т.ч. проследить операции с этим документом.

Ключевые слова: юридическая техника, цифровизация, электронный документ, цифровой закон.

Введение. В силу диалектического единства права и юридической техники; последняя испытывает на себе действие тех же факторов постоянно развивающего общества, в силу чего «…электронная форма официального опубликования правовых актов из подчиненной станет основной, а бумажная вторичной, вспомогательной…» [1, с. 84], причем темпы развития IT-сферы свидетельствуют, что речь идет о ближайшем будущем. Данная перспектива ставит перед юридической техникой немало новых вопросов, требующих как научного переосмысления, так и практического решения. Пожалуй, одним из первоочередных, стоит вопрос окончательного перехода с существующей технико-юридической формы нормативных правовых актов, как не отражающей реальностей наступающей «цифровой эпохи» [1, с. 85], на электронную.

Основная часть. В отечественной юридической науке XX – XXI в. юридическая техника сформировалась не только как практико-ориентированное знание, полученное и усовершенствованное в процессе нормотворческой (в первую очередь, законотворческой) деятельности, но и как соответствующая система научных знаний в теории права как науки.

Вопрос о предмете юридической техники в научных кругах остается дискуссионным и до настоящего времени. В свое время еще М. Давыдова в своей работе «Юридическая техника: проблемы теории и методологии», выделила основные тенденции в развитии юридической техники, которые сводились к следующему: 1) самостоятельность самого понятия «юридическая техника» (отличного (нетождественного) от понятия «законодательная техника»; 2) признание особого предмета изучения и, как следствие, причисление к прикладным юридическим наукам; 3) признание за юридической техникой широкого подхода к пониманию [2, с. 26-29].

И если на современном этапе вопрос размежевания законодательной и юридической техники решен однозначно, то о признании за юридической техникой статуса науки остается открытым. При этом значительное число авторов остаются на позиции определения юридической техники как совокупности «правил, приемов, способов подготовки, составления, оформления юридических документов, их

систематизации и учета, что обеспечивает их усовершенствование, эффективное использование» [3, с. 5].

Представители т.н. «документального» (С. Алексеев, А. Черданцев, И. Онищук, И. Шутак, и др.), представленного двумя направлениями – формальным и содержательным, предметом юридической техники видят исключительно технику выработки и систематизации правовых актов, подготовки, составления, оформления юридических документов, их рассмотрения, принятия и обнародования.

Деятельностный подход (А. Малько, Н. Матузов, В. Карташов, О. Скакун), получивший наибольшее признание в научных кругах, юридическую технику понимает как правила ведения юридической работы и составления в процессе ее юридических документов [4, с. 83].

Причем необходимо учитывать, что предмет юридической техники, как и сама юридическая деятельность, постоянно расширяется и качественно изменяется, а, следовательно, предметом ее изучения являются общие закономерности осуществления юридической деятельности в их динамике и развитии.

Само содержание юридической техники (отмечающееся в науке многообразием подходов) определяет в общем виде ее сущность, а также обуславливает взаимосвязь между выполнением требований юридической техники субъектами юридической деятельности с эффективностью правотворческого, правоприменительного и правореализационного процессов.

Соглашаясь с мнением Т. Кашаниной, наиболее детальным и разработанным (правда, применительно к законодательной технике) признаем подход Ю. Тихомирова, который выделяет шесть групп элементов (т.е. правил юридической техники), «охватывающих» многогранность и многоаспектность юридической деятельности на всех стадиях правового регулирования. В силу наличия достаточного количества научных исследований содержательно наполненных сопоставлением, анализом, критикой и т.п. представленной позиции, ограничимся кратким перечислением конкретных правил, входящих в каждую из представленных Ю. Тихомировым групп: познавательно-юридические (содержательные); нормативно-структурные; логические; языковые; документально-технические (реквизитные, формальные); процедурные [4, с. 112].

Таким образом, по нашему мнению, содержанием юридической техники выступает обусловленная национальными правовыми традициями, совокупность методов, правил, приемов и средств юридической деятельности в их динамике.

Юридическая техника является сравнительно молодой наукой, в силу чего ее компоненты, отдельные аспекты также находятся в процессе становления, практической апробации и являются предметом научных диспутов. В частности, к ewigen Kontroversen относится вопрос понимания и соотношения таких понятий юридической техники как «приемы», «правила», «методы», «средства». Продолжительные споры, в которых принимали участие первоклассные отечественные правоведы, такие как В. Карташов, С. Алексеев, Д. Керимов, А. Пиголкин, Т. Кашанина и др., указывает с одной стороны на важность вопроса, а с другой – на трудность его решения. Изучив и проанализировав имеющиеся в юридической науке исследования, мы согласимся с мнением М. Давыдовой, которая под правилами (требованиями) юридической техники понимает разработанные наукой и (или) официально установленные нормативы, соблюдение которых в процессе юридической деятельности выступает критерием ее качества [2, с. 109]. В свою очередь, не настаивая на принципиальности разграничения понятий, под средствами (приемами) юридической техники в самом общем виде автор понимает специфические инструменты

профессиональной юридической деятельности, обеспечивающие достижение ее целей [2, с. 110-111].

Проведенный анализ генезиса [5], предмета и содержания юридической техники, позволяет нам сделать вывод, что введенный Иерингом в научный оборот термин «юридическая техника», оправдывает себя и в современных условиях. Акцент на применимость термина «юридическая техника» сделан не случайно. Сегодня в современной юридической науке наблюдается тенденция терминологической «множественности», которая в аспекте юридической технике не является оправданной. Так, наряду с уже известными и устоявшимися в науке терминами «юридическая техника», «законодательная техника», «нормотворческая техника» соотношению которых уделено значительное количество научных работ, в научный обиход вводятся новые либо «реанимируются» анахронизмы: «нормография», «легиспруденция», «юридическая тактика», «юридическая эстетика».

Уровень развития юридической техники объективно предопределяется качественными изменениями в системе общественных отношений, государствогенеза, требований юридической практики, уровня правовой культуры граждан и общества в целом. Использование новейших IT-технологий в Новейшее время дало возможность обрабатывать, хранить и перерабатывать огромные массивы правовой информации; решать проблему согласованности законодательных актов, что способствует преодолению пробелов и противоречий и положительным образом сказывается в развитии юридической техники. В частности, уверенно вошел в научный оборот термин «цифровая юриспруденция» [6, с. 321].

При этом, как отмечалось нами в более ранних научных публикациях, сочетание права и цифровых технологий достигается в большей степени за счет интеллектуальной автоматизации тех действий, которые необходимо совершать юристу в его деятельности, такие, в частности, как: поиск правовой информации, работа над текстом, подбор соответствий, выявление несоответствий, перевод на другой язык, анализ, толкование, выбор, принятие решения и т.д. В результате такого симбиоза права и цифровых технологий складываются перспективы дальнейших процессов цифровой формализации права, позволяющей изобразить содержание права с помощью системы искусственных символов, знаков [ДЧ, с. 321].

В недалекой перспективе, как отмечает В. Исаков, «…электронная форма официального опубликования правовых актов… станет основной, а бумажная – вторичной…» [1, с. 84], что, безусловно, поставит перед юридической наукой и всем юридическим сообществом ряд юридико-технических вопросов.

«Цифровой закон» – новая, существующая в электронном виде форма правового акта – закономерно должен стать интерактивным, основанным на механизме изменения правовых норм посредством электронного краудсорсинга. При этом считаем, что автоматизации без ошибок в интерпретации, прежде всего, могут быть подвергнуты нормы, отвечающие требованиям конкретности, полноты, законченности, определенности назначения и ясности изложения. Цифровизация права позволит преодолеть такие существенные недостатки нормативных правовых актов в бумажной форме, как многопредметность, отсутствие необходимых реквизитов, отсутствие стандартной кодификационной обработки, нарушение языковых правил и проч.

Исходя из вышесказанного, считаем, что в условиях цифровизации общественных отношений использование юридической техники следует рассматривать через призму особенностей электронных документов в целом, и нормативных правовых актов в электронной форме в частности. При этом следует помнить, что содержание юридической техники формирует комплекс ее правил: содержательные правила,

правила логики, структурные правила, языковые правила, формальные (реквизитные) требования и процедурные правила, которые, с учетом темпов и масштабов внедрения государственных программ цифровизации, не останутся неизменными.

Электронный документ представляет собой принципиально новый тип документов по сравнению с документами на бумажном носителе, который не имеет материальной формы и содержит расширенный объем реквизитов – метаданных, позволяющих в т.ч. проследить операции с этим документом [6, с. 321].

Таким образом, нормативный правовой акт в электронной форме (в аспекте его реквизитов), представляет собой своеобразный комплекс реквизитов, присущих нормативным актам (существующих, как правило, на бумажном носителе или в оцифрованном виде), так и электронным документам. Причем, отдельные из них, выступая, своего рода антагонистами, могут быть упразднены. В свою очередь оцифровка формально-юридических источников права приводит к формированию новых приемов и способов юридической техники [7, с. 99]. Например, отсылка к ранее действующей редакции нормативного правового акта или его части, к другим нормативным правовым актам, судебным решениям, официальным письмам и др.; актуальная редакция нормативного правового акта и проч. в современной реальности отсутствуют. Цифровая версия создается по принципу «базы знаний», в которой собирается, систематизируется, структурируется и приспосабливается для автоматизированного использования более объемная и разноплановая информация, позволяющая без участия человека осуществлять правотворческую, правореализационную и правоприменительную деятельность.

Применение smart regulation позволит обеспечить большую открытость и демократичность правотворчества, усиление значения тех его стадий, где реализуются элементы прямой демократии – краудсорсинговые технологии: общественные правотворческая инициатива, обсуждение, экспертиза проектов нормативных правовых актов. Кроме того, участие независимых экспертов из научных кругов, практиков, в обсуждении и проверке проектов нормативных правовых актов способствует (через механизм независимой правовой экспертизы проектов) повышению качества уже принятых нормативных правовых актов.

Практика, к сожалению, показывает, что потенциал таких средств обратной связи в полной мере реализуется не всегда. При формальном подходе к организации оценки регулирующего воздействия, общественного обсуждения и других процедурно установленных форм обратной связи их результативность может быть крайне низкой.

Учитывая существующие тенденции развития общественных отношений, становится достаточно вероятным предположение, что развитие электронного документооборота является перспективой существования большинства нормативных правовых актов [6, с. 323].

К несомненным достоинствам электронного документооборота, по нашему мнению, являются повышение эффективности управленческой деятельности; ускорение движения документов в организации; уменьшение трудоемкости обработки документов [6, с. 323].

С развитием цифровых технологий обостряется противоречие между потребностью в качественных как с точки зрения формы, так и содержания нормативных правовых актах, а также способностью упомянутых технологий ее удовлетворить, с одной стороны, и невысоким качеством нормативного материала, произведенного «вручную», без применения хай-тека, – с другой [7, с. 100-101]. Преодоление этого противоречия видится в «оцифровке» юридических технологий, применяемых в правотворчестве, разработке и использовании «цифрового юртеха» при

создании проектов нормативных правовых актов [7, с. 100-101]. По мнению Т. Я. Хабриевой вывести правотворчество на качественно новый уровень, существенно снизить нагрузку на правотворческие органы возможно посредством таких технологий как правовой мониторинг и прогнозирование, юридическое моделирование и проектирование юридических норм и, безусловно, экспертиза проектов нормативных правовых актов и др. [7, с. 100-101].

Цифровизация с одной стороны – это неизбежный естественный процесс. Но с другой – новый многослойный пласт, к которому еще не готовы ни правотворческие органы, ни правоприменители. Правотворческие органы и, прежде всего, законодательные пытаются урегулировать цифровую реальность. Однако очень много сложностей возникает из-за непонимания как это сделать, какими правовыми инструментами пользоваться для создания цифрового права. Имеющийся, стандартный набор правовых средств, методов, правил, приемов не способен регулировать совершенно новое правовое явление[8, с. 16].

Вместе с тем кардинальные, революционные подходы к автоматизации документооборота опасны, поскольку могут привести к серьезным проблемам в управлении и даже дезорганизации деятельности. Поэтому основными принципами на пути введения электронного документооборота должны стать разумность, последовательность и системность. Создавая систему электронного документооборота, следует помнить – это организационно-технологический комплекс методических, технических, программных и информационных средств, обеспечивающий комплекс функций для работы с электронными документами: преобразование бумажных документов в электронные, организация защиты и распределения доступа к электронным документам, их маршрутизация, механизмы согласования документов и т.п.

Выводы. Таким образом, можно констатировать, что предмет юридической техники, как и сама юридическая деятельность, постоянно расширяется и качественно изменяется, а, следовательно, предметом ее изучения являются общие закономерности осуществления юридической деятельности в их динамике и развитии. В свою очередь содержанием юридической техники выступает обусловленная национальными правовыми традициями, совокупность методов, правил, приемов и средств юридической деятельности в их динамике.

Особенности использования юридической техники в условиях цифровизации общественных отношений следует рассматривать через призму особенностей электронных документов в целом, и нормативных правовых актов в электронной форме в частности. Вместе с тем, компьютеризация процесса нормотворчества и цифровизация правовой информации породила достаточно проблем в контексте юридической техники электронного документа, требующих дополнительного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю. Г. Арзамасова. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 460 с.
2. Давыдова, М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография / М. Л. Давыдова; ГОУ ВПО «ВолГУ». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.
3. Шутак, І. Д. Юридична техніка: підходи до поділу на види / І. Д. Шутак //Теорія й історія держави і права; адміністративне право і процес; інформаційне право. – 2015. – С. 3-10.
4. Кашанина, Т. В. Юридическая техника: учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 495 с.

5. Степанова, Ю. С. Генезис юридической техники: от устной формы к цифровому документу / Ю. С. Степанова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 302-309.
6. Степанова, Ю. С. К вопросу об особенностях нормативных правовых актов в электронной форме / Ю.С. Степанова // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 8: Юридические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 321-323.
7. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1(253). – С. 85–102.
8. Кич, И. С. Переосмысление понятия «правотворчество» в условиях цифровизации экономики и права / И. С. Кич // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 4. – С. 14–17.

Поступила в редакцию 27.12.2024 г., рекомендована к печати 13.01.2025 г.

PROBLEMS OF LEGAL TECHNOLOGY IN THE CONDITIONS OF DIGITIZATION OF PUBLIC RELATIONS

Stepanova Yu. S.

The article aims to explore the features of the development of legal technology in modern conditions of digitalization of public relations. The author sees the use of legal technology in the context of digitalization of public relations through the prism of the features of electronic documents in general, and regulatory legal acts in electronic form in particular. Based on this, a regulatory legal act in electronic form is presented by the author as a fundamentally new type of document compared to a document on paper, which does not have a material form and contains an expanded volume of details - metadata, allowing, incl. track transactions with this document.

Keywords: legal technology, digitalization, electronic document, digital law.

Степанова Юлия Сергеевна
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: yu.stepanova.donnu.jur@mail.ru

Stepanova Yulia Sergeevna
Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: yu.stepanova.donnu.jur@mail.ru

П У Б Л И Ч Н О-П Р А В О В Ы Е (Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О-П Р А В О В Ы Е) Н А У К И

УДК 342.3
DOI 10.5281/zenodo.17694783

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

© 2025. *В.Ю. Поляков*

В статье ставится цель уточнить правовую природу народного суверенитета и обосновать нецелесообразность его отнесения к юридическим фикциям. Автором отмечается, что проведение всенародного голосования относительно внесения изменений в Основной Закон является результатом высшего непосредственного выражения власти народа Российской Федерации и практическим воплощением принципа народовластия, что подтверждает реальную возможность реализации права населения России самостоятельно определять направления экономического и политического развития Российской Федерации. Подчеркивается, что лишь народ как носитель и единственный источник власти вправе определять вектор и основные направления развития государства, в то время как органы государственной власти призваны лишь реализовывать волю избирателей, не подменяя ее личными интересами и политическими установками, полученными извне.

Ключевые слова: народный суверенитет, народовластие, демократия, источник власти.

Введение. Согласно статье 3 Конституции РФ, верховная власть в стране принадлежит ее многонациональному народу, который реализует её как напрямую, так и через государственные органы и органы местного самоуправления [1]. Ключевыми инструментами прямого народовластия являются референдум и свободные выборы. Принцип народовластия подчеркивает производный характер государственной власти от власти народа. Как верно отмечает Н.М. Чепурнова, «реализация принципа народовластия обеспечивает легитимность власти государства. В свою очередь, легитимность является условием демократичности власти, поскольку она отражает отношение народа, т.е. носителя государственной власти, к органам и должностным лицам, ее осуществляющим» [2]. Таким образом, именно народ является источником и носителем суверенитета, а органы публичной власти – лишь организационно-правовой формой реализации его суверенного права управлять в своих интересах. Важно отметить, что конституционно-правовое регулирование общественных отношений в сфере реализации принципа народовластия направлено на достижение основной цели государства. Эта цель заключается в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина, а также в обеспечении приоритета индивидуальных ценностей.

Основная часть. Исследованию суверенитета как института права посвятили свои работы такие ученые как С.А. Авакьян, А.Л. Бредихин, А.Д. Екишева, А.А. Исаев, В.Н. Пяткин, Н.М. Чепурнова, В.И. Червонюк и другие. В то же время, недостаточно разработанным остается вопрос о правовой природе суверенитета, его значении как одной из важнейших основ конституционного строя Российской Федерации и нецелесообразности рассмотрения народного суверенитета как юридической фикции.

Целью статьи является уточнить правовую природу народного суверенитета и обосновать нецелесообразность его отнесения к юридическим фикциям.

Закрепленный в Конституции РФ принцип народного суверенитета определяет ключевые характеристики взаимоотношений между народом и государственной властью. Народ, являясь источником и носителем суверенитета, обладает правом определять цели, формы и методы функционирования государственных структур всех уровней. В свою очередь, государственная власть обязана действовать в интересах народа, гарантировать его права и свободы, а также нести перед ним ответственность за свою деятельность. Реализация принципа народовластия основана на системе взаимных корреспондирующих прав и обязанностей. Народ, как обладатель власти, формирует государственный аппарат посредством выборов, референдума, общественных слушаний и других демократических механизмов. Государственная власть, в свою очередь, обязана отчитываться перед народом о своих действиях, обеспечивать его права и свободы, а также нести ответственность за ошибки и просчеты. Таким образом, народный суверенитет в России выступает не просто декларативным принципом, но и действенным механизмом обеспечения верховенства власти народа, его прав и законных интересов.

Как указывалось ранее, статья 3 Конституции РФ закрепляет за народом право осуществлять свою власть напрямую (через референдумы и выборы) и через органы государственной власти и местного самоуправления. Выборы – это ключевой инструмент прямого народовластия, позволяющий народу делегировать полномочия своим представителям и влиять на курс развития страны. Ярким примером активной гражданской позиции россиян служит высокая явка (более 77%) на выборах президента в 2024 году.

Помимо выборов, народ реализует свою власть через участие в общественных обсуждениях, контроль за деятельностью власти, обращения в госорганы, гражданскую инициативу и защиту своих прав.

Чем активнее граждане участвуют в жизни общества и государства, тем сильнее влияние народа на власть, тем более демократичным и справедливым становится государство. Реализация принципа народного суверенитета требует от государства создания условий для свободного волеизъявления граждан, а также поощрения их активной гражданской позиции.

В научной среде ведутся дискуссии о жизнеспособности идеи народного суверенитета. Критики, такие как В.И. Червонюк [3], В.Н. Пяткин [4], А.Л. Бредихин и Е.Д. Проценко [5], ставят под сомнение ее реалистичность и соответствие современным государственно-правовым реалиям. Они указывают на трудности прямого участия народа в управлении, дуализм власти, противоречия с сущностью государственной власти и «фиктивность полноты власти народа».

Однако, сторонники народного суверенитета видят в нем основу демократии, требующую постоянного совершенствования и адаптации к меняющимся условиям. Несмотря на критику, принцип народного суверенитета остается актуальным, но его реализация в современных условиях требует поиска новых механизмов обеспечения народовластия с учетом современных реалий.

А.Д. Екишева, обосновывая несостоятельность концепции народного суверенитета, указывает: «подчинение государственной власти при реализации прав народонаселения рушит все доводы, отстаивающие существование народного суверенитета» [6]. Автор исходит из того, что идея народовластия сама по себе искажает смысл государственной власти как таковой, поскольку создает ощущение дуализма власти государства и власти народа.

С данной позицией трудно согласиться. Народ является носителем и источником государственного суверенитета, а органы власти – лишь инструментом реализации его воли. Такой подход исключает противоречия между правовой природой государственного и народного суверенитета, конкретизирует роль органов власти и гарантирует право народа самостоятельно определять свою судьбу. Идея народного суверенитета не противоречит наличию государственной власти, а служит ее легитимной основой. Органы власти, действуя в интересах народа, реализуют его суверенитет.

Существуют различные точки зрения на соотношение народного и государственного суверенитета. Несмотря на критику, идея народного суверенитета остается основополагающим принципом демократии. Она предполагает верховенство власти народа, которое реализуется через различные механизмы, включая выборы, референдумы и деятельность представительных органов.

Обеспечение подлинного, а не декларативного народного суверенитета является ключевым фактором стабильности как внутри страны, так и в международных отношениях. Только когда народ (его большинство) обладает реальной властью и самостоятельно определяет направления развития в экономической, политической и международной сферах, возможно достичь справедливости и устойчивости в международных отношениях.

С.А. Авакьян верно отмечает: «С позиций конституционного права надо смотреть на государство как на организацию, которой общество поручило, конституционно оформленным путем выполнение четко обозначенных публичных дел, при непременном условии общественного контроля [7].

Для реального участия народа в управлении государством формального декларирования народного суверенитета недостаточно. Необходимо обеспечить его реальное воплощение, когда народ обладает полнотой власти и может влиять на все сферы жизни. Государство, действующее в рамках народного суверенитета, подотчетно обществу. Общественный контроль за деятельностью власти является важнейшим фактором обеспечения стабильности и справедливости. Реализация народного суверенитета должна осуществляться в соответствии с конституционными нормами и принципами.

Народный суверенитет – это не просто красивая идея, а основа для построения стабильного, справедливого и процветающего общества. Обеспечение подлинного народного суверенитета, основанного на реальном участии народа, общественном контроле и верховенстве права, является ключом к решению многих современных проблем и построению благополучия общества. В современном мире, где влияние внешних сил на внутренние дела отдельных стран усиливается, принцип народного суверенитета находится под угрозой. Переход государств под внешнее управление и подчинение воле сторонних держав противоречит основам международного права и природе государства как суверенного субъекта.

Особую тревогу вызывает нивелирование народного суверенитета, выражающееся в ограничении права народа определять свое будущее, фиктивности выборов, ущемлении демократических прав и свобод, отсутствии механизмов защиты прав народа. Внешнее управление подрывает основы демократии, стабильности и безопасности в мире, препятствует самоопределению народов и нарушает принципы справедливости. Сохранение народного суверенитета требует противодействия внешнему вмешательству, укрепления демократических институтов и соблюдения норм международного права.

Выводы. Проведение всенародного референдума в 2020 году в соответствии с законодательством и демократическими принципами является ярким примером реализации народного суверенитета в Российской Федерации. Россия прошла через знаменательный процесс внесения изменений в Конституцию, отличавшийся своей масштабностью, открытостью и всенародным характером. Инициатива Президента, выдвинутая в послании Федеральному Собранию, нашла широкий отклик в обществе. Миллионы россиян приняли участие в обсуждении проекта, их мнения и предложения были тщательно изучены. Референдум, ставший кульминацией процесса, продемонстрировал приверженность России демократическим принципам и верховенству власти народа. Уникальность процесса 2020 года заключается в его открытости и масштабном вовлечении граждан. Это событие стало ярким примером реализации народного суверенитета и важным этапом в развитии российской государственности.

Россия сделала исторический шаг на пути к укреплению народовластия, предусмотрев обязательность референдума для утверждения вносимых в 2020 году поправок в Конституцию. Требовалось получить одобрение более 50% граждан страны, однако одобрение высказало более 77%, что стало беспрецедентным проявлением власти народа. Эти новации делают процесс изменения Конституции более демократичным, прозрачным и легитимным, а также повышают уровень вовлеченности граждан в управление государством. Проведение обязательного референдума стало знаковым событием в конституционном развитии России, продемонстрировав стремление страны к совершенствованию демократических институтов и укреплению основ народного суверенитета.

Широкое общественное обсуждение стало неотъемлемой частью процесса. Миллионы россиян получили возможность высказать свое мнение, предложения и идеи, которые были рассмотрены, а многие и учтены при доработке проекта. Референдум стал результатом высшего непосредственного выражения власти народа, как это провозглашено в статье 3 Конституции Российской Федерации. Он подтвердил, «что народ России является носителем суверенитета и власти в стране, и именно ему принадлежит право определять направления своего развития» [8]. Референдум 2020 года продемонстрировал всему миру, что Россия является страной, где власть принадлежит народу. Это событие стало знаковым в истории российской государственности и войдет в число ее важнейших достижений.

Таким образом, лишь народ как носитель и единственный источник власти вправе определять вектор и основные направления развития государства, в то время как органы государственной власти призваны лишь реализовывать волю избирателей, не подменяя ее личными интересами и политическими установками, полученными извне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 17.

2. Чепурнова Н.М. Конституционный принцип народовластия в Российской Федерации: проблемы реализации // Вестник Московского университета МВД России. - 2018. - № 5. - С. 55-62.

3.Червонюк В. И. Суверенитет народа в эпоху постмодернизма: критическое осмысление доктрины и практики эволюционирующего конституционализма // Конституционное и муниципальное право. - 2018. - №3. - С. 3-7.

4. Пяткин В.Н., Исаев А.А. Народный суверенитет как конституционно-правовая фикция// Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. - 2021. - № 3. - С. 1-11.

5. Бредихин А.Л., Проценко Е.Д. Суверенитет как юридическая категория // Вестник Московского университета МВД России. - 2011. - № 9. - С. 142- 150.

6. Екишева А.Д. Суверенитет народа лишь фикция, суверенна лишь государственная власть // Вопросы российской юстиции. - 2019. - № 3. - С. 36-41.
7. Авакьян С.А. Государство: взгляд с позиций конституционного права // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. - № 2. – С. 52-61.
8. Виноградова Е.В. Референдум или общероссийское голосование: к вопросу о форме одобрения поправок 2020 года в Конституцию Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2020. – №4. – С. 75-78.

Поступила в редакцию 20.12.2024 г., рекомендована к печати 09.01.2025 г.

FEATURES OF INTERNATIONAL LEGAL RECOGNITION OF STATE EDUCATIONS

Polyakov V.Yu.

The article aims to clarify the legal nature of national sovereignty and to justify the inexpediency of its attribution to legal fictions. The author notes that the holding of a popular vote on amendments to the Basic Law is the result of the highest direct expression of the power of the people of the Russian Federation and the practical embodiment of the principle of democracy, which confirms the real possibility of realizing the right of the Russian population to independently determine the directions of economic and political development of the Russian Federation. It is emphasized that only the people, as the bearer and the only source of power, have the right to determine the vector and main directions of the development of the state, while state authorities are called upon only to realize the will of voters, without replacing it with personal interests and political attitudes received from the outside.

Keywords: the state, the apparatus of power, political education, sovereignty, international recognition.

Поляков Виталий Юрьевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

Polyakov Vitaly Yurievich
Candidate of law, Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

УДК 342.6
DOI 10.5281/zenodo.17694831

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

© 2025. *К.П. Усатенко*

В данной научной работе анализируется правовое положение органов государственной власти как участников гражданских правоотношений. Рассмотрено, что в рамках реализации интеграционного процесса, то есть вхождения Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта происходит формирование новых органов государственной власти. Обосновано, что ликвидация органов государственной власти и полный переход в российское правовое пространство трудоемкий процесс, что требует дополнительного теоретического осмысления правового положения органов государственной власти как правовой категории.

Ключевые слова: орган государственной власти, государственный орган, государственное устройство, ликвидация, реорганизация, упразднение.

Введение. В настоящее время Донецкая Народная Республика находится на стадии своего становления, как нового субъекта Российской Федерации. Данный процесс берет свое начало с подписания Договора от 30 сентября 2022 г. между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, принятия Федерального конституционного закона от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» (далее – Федеральный конституционный закон № 5-ФКЗ) и принятия новой Конституции Донецкой Народной Республики от 30.12.2022, что предусматривает не только экономическое, социально-политическое восстановление и развитие Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), но и формирование новой системы органов государственной власти ДНР.

Так, в статье 8 Федерального конституционного закона № 5-ФКЗ регламентируются особенности формирования органов государственной власти ДНР. В частности, законодатель определяет вопросы формирования законодательного (представительного) органа ДНР, высшего исполнительного органа государственной власти ДНР, иных органов исполнительной власти (в том числе территориальных), полномочия их правопредшественников и прочее. При этом отдельными нормами Федерального конституционного закона № 5-ФКЗ урегулированы отношения по созданию на территории ДНР органов прокуратуры и судов, что обусловлено их особым правовым статусом в системе государственных органов и процессуальными полномочиями.

Одной из основных задач, которая на сегодняшний день стоит перед нашей молодой Республикой, является создание всей вертикали власти, в установленный Федеральным конституционным законом № 5-ФКЗ переходный период, действующий до 01 января 2026 года. В течение этого периода необходимо завершить интеграцию нового субъекта не только в экономическую, финансовую, кредитную и правовую

системы Российской Федерации, но и в систему ее органов государственной власти, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Данный процесс требует значительного правового регулирования, что связано не только со сложностью указанного интеграционного вопроса, но и отсутствием необходимых теоретических аспектов и практических навыков. При этом опыт Республики Крым не в полной мере может быть заимствован ввиду государственно-политического статуса ДНР, его длительного существования в качестве самостоятельного государства со своей системой законодательства и органов государственной власти.

Так, принятие Конституции Донецкой Народной Республики ознаменовало формирование нового этапа конституционно-правового развития. Вместе с тем, новой Конституцией Донецкой Народной Республики (далее – Конституция ДНР) учреждена система власти в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации, все это происходит в условиях политических изменений, что не могло не отразиться на системе публично-властных институтов и особенностях их функционирования в ДНР.

Статья 10 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) регламентирует принцип разделения властей. Так, государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны [1]. Аналогичная норма закреплена в части 1 статьи 6 Конституции ДНР, где установлено, что государственная власть в Донецкой Народной Республике осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную [2]. Вместе с тем, органы государственной власти принято разделять на федеральные и региональные (региональные органы власти – это органы власти субъектов Российской Федерации).

В соответствии с частью 2 статьи 6 Конституции ДНР государственную власть в Донецкой Народной Республике осуществляют Глава Донецкой Народной Республики, Народный Совет Донецкой Народной Республики, Правительство Донецкой Народной Республики, образуемые в соответствии с настоящей Конституцией [2].

На основании части 1 статьи 58 Конституции ДНР Народный Совет Донецкой Народной Республики является постоянно действующим представительным и единственным законодательным органом государственной власти Донецкой Народной Республики [2].

Согласно части 1 статьи 50 Конституции ДНР Глава Донецкой Народной Республики является высшим должностным лицом Донецкой Народной Республики, осуществляет руководство исполнительной властью в Донецкой Народной Республике [2]. В частности, согласно части 1 статьи 70 Конституции ДНР в систему исполнительных органов Донецкой Народной Республики входят Глава Донецкой Народной Республики, Правительство Донецкой Народной Республики, иные исполнительные органы Донецкой Народной Республики [2].

Судебная ветвь власти в ДНР определена в частях 1-2 статьи 75 Конституции ДНР, согласно которым правосудие осуществляется только судом. В Донецкой Народной Республике действуют федеральные суды общей юрисдикции, федеральные арбитражные суды и мировые судьи Донецкой Народной Республики.

Примечательно, что в действующем гражданском законодательстве нет легального определения понятия «органы государственной власти», в связи с чем считаем необходимым обратиться к юридической литературе. Так, Миронов А.Л. под государственными органами понимает самостоятельное звено государственного

аппарата, участвующее в государственном регулировании, наделенный государственно-властными или иными полномочиями, уполномоченный государством и обществом на осуществление его задач и функций и действующий в установленном государством порядке [3, с. 43].

Пономарев В.Н. в своих трудах определяет, что орган государственной власти – это относительно самостоятельное, но вместе с тем составное звено государственного аппарата, участвующее в процессе государственного управления, наделенное публично-властными полномочиями для решения закрепленных за ним целей и задач, создаваемое и действующее в установленном нормами права порядке [4, с. 153].

Анализируя вышеизложенное, мы пришли к выводу, что некоторые авторы определяют понятия «орган государственной власти» и «государственный орган» как тождественные или близкие по смыслу, но ни в отечественной литературе, ни в зарубежной нет единого подхода к их пониманию. Ученые отмечают, что это вызвано отсутствием законодательного разделения понятий. Следует обратить вниманием на то, что существенное отличие между данными понятиями заключается в наличии у органа государственной власти публично-властных полномочий.

В свою очередь в пункте 2 статьи 1 Федерального закона от 09 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» законодатель определяет государственный орган как орган государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и иные государственные органы, образуемые в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации [5]. По мнению Хуснутдинова Ф.Г. государственный орган – это часть системы органов государственной власти, но при этом «не каждый государственный орган можно охарактеризовать как орган государственной власти» [4, с. 150].

Вместе с тем, любой государственный орган имеет одновременно два статуса: публично-правовой (уполномочен от имени государства принимать властные решения) и частноправовой (создается в форме учреждения и самостоятельно выступает от своего имени в гражданском обороте) [8, с. 107]. Соответственно обладая частноправовым статусом, органы государственной власти могут принимать непосредственное участие в гражданских правоотношениях.

Так, часть 2 статьи 124 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определяет, что к субъектам гражданского права указанными в части 1 данной статьи, применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов.

Анализ вышеизложенных аспектов позволяет нам сделать соответствующее заключение, что органы государственной власти могут выступать субъектами гражданских правоотношений, но на правах юридического лица.

Например, части 1-2 статьи 1 Закона Донецкой Народной Республики от 29.09.2023 № 2-РЗ «О Народном Совете Донецкой Народной Республики» гласят, что Народный Совет является постоянно действующим представительным и единственным законодательным органом государственной власти Донецкой Народной Республики. Народный Совет обладает правами юридического лица, имеет гербовую печать [10].

Обратимся теперь к опыту федерального уровня. Так, одним из органов исполнительной власти, который является юридическим лицом, признается Федеральная служба безопасности (далее – ФСБ). Согласно пункту 7 Положения о Федеральной службе безопасности Российской Федерации, утвержденного Указом

Президента Российской Федерации от 11.08.2003 № 960, ФСБ России является юридическим лицом, имеет действительное и условное наименования, эмблему, флаг и знамя, учреждаемые Президентом Российской Федерации, печать с изображением Государственного герба Российской Федерации и со своим наименованием, соответствующие печати, штампы, счета, в том числе валютные, в банках и других кредитных организациях [6].

В результате изучения вышеприведенных норм законодательства, можем сделать вывод о том, что органы государственной власти могут выступать как в качестве юридических лиц, так и в качестве тех, которые наделены правами юридического лица.

Однако не все органы государственной власти являются юридическими лицами. К таковым следует отнести Правительство ДНР. Согласно Конституции ДНР и Закона Донецкой Народной Республики от 29.09.2023 № 1-РЗ «О Правительстве Донецкой Народной Республики» Правительство ДНР является высшим исполнительным органом и по своему правовому статусу не обладает признаками юридического лица. Это обусловлено тем, что Правительство ДНР формируется Главой ДНР, действует в пределах срока полномочий Главы ДНР и является коллегиальным органом.

Соответственно на органы государственной власти, которые являются юридическими лицами и выступают участниками гражданских отношений, равным образом распространяются гражданско-правовые институты ликвидации и реорганизации юридических лиц.

Как правило, любая организация, которая принимает решение о прекращении своей деятельности, прекращает свое существование посредством проведения процедуры ликвидации (без правопреемства, т.е. без перехода прав и обязанностей (согласно статье 61 ГК РФ)). Однако, в отношении государственного органа принявшего решения о прекращении своей деятельности применим термин «упразднение», который в свою очередь предполагает переход прав и обязанностей от одного органа к другому в порядке правопреемства.

То есть, понятие «упразднение» по своей сути – это процедура реорганизации (переход прав и обязанностей), но законодатель не отождествляет данные понятия. В добавок ко всему, в действующем законодательстве нет легального определения понятия «упразднения», т.е. дефиниция данного понятия отсутствует вовсе, в связи с чем является предметом исследования ученных-цивилистов.

Зачастую, вновь созданному государственному органу делегируются полномочия по выполнению определенных функций, которые ранее выполнялись иными органами государственной власти еще до их образования.

Так, изменение системы органов государственной власти посредством упразднения и передачи иному органу функций и полномочий упраздненного органа регулируется Указом Президента Российской Федерации от 05.02.2021 № 71 «Об утверждении Положения о регулировании некоторых вопросов, связанных с упразднением федеральных органов исполнительной власти и принятием решений о передаче отдельных государственных функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти» (далее – Указ Президента РФ № 71). Данным положением регулируются вопросы, связанные с упразднением федеральных органов исполнительной власти и принятием решений о передаче отдельных государственных функций и полномочий федеральных органов. Упразднение федерального органа осуществляется в соответствии с Указом Президента Российской Федерации [9]. Наряду с Указом Президента РФ № 71, действуют аналогичные положения утвержденные Указом Главы Донецкой Народной Республики от 30.12.2021 № 425 «Об

утверждении Положения о регулировании некоторых вопросов, связанных с упразднением республиканских органов исполнительной власти и принятием решений о передаче отдельных функций и полномочий республиканских органов исполнительной власти» (далее – Указ Главы ДНР № 425), которые также регулируют вопросы, связанные с упразднением республиканских органов исполнительной власти. Немаловажным является непрерывность осуществления передаваемых государственных функций и полномочий от упраздняемого органа к тому, которому передаются эти функции и полномочия.

Необходимо отметить, что в Указе Президента РФ № 71 и в Указе Главы ДНР № 425 закреплены положения, регламентирующие ликвидацию органа в качестве юридического лица, в порядке, установленном гражданским законодательством. Примечательно, что в пункте 12 Указа Президента РФ № 71 определено, что датой ликвидации федерального органа является дата внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его ликвидации. Аналогичная норма закреплена в пункте 12 Указа Главы ДНР № 425.

Отдельно хотелось бы отметить передачу части функций и полномочий от существующих органов государственной власти к вновь созданным. Например, Министерство просвещения Российской Федерации и Министерство науки и высшего образования Российской Федерации являются правопреемниками упраздненного Министерства образования и науки Российской Федерации согласно Указа Президента Российской Федерации от 15.05.2018 № 215 «О структуре федеральных органов исполнительной власти». Указом Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» установлено, что Министерство внутренних дел Российской Федерации является правопреемником упраздняемых Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и Федеральной миграционной службы. В данных Указах определяется порядок наделения полномочиями, а также ответственный орган за проведение данной процедуры.

Примечательно, что на сегодняшний день, Глава ДНР подписал ряд указов о ликвидации министерств и ведомств. Вместе с тем, Указом Главы Донецкой Народной Республики от 19.10.2023 № 477 «О ликвидации (об упразднении) Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики» ликвидировано Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики. Указом обеспечена передача архивных документов ликвидируемого (упраздняемого) Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики исполнительному органу Донецкой Народной Республики – Министерству образования и науки Донецкой Народной Республики. В частности, установлен срок завершения ликвидации – 6 месяцев. По аналогии ликвидируются и иные министерства и ведомства.

Хотелось бы отметить, что в указе делается акцент на том, что органы должны пройти процедуру ликвидации с последующим утверждением ликвидационного баланса, который, в свою очередь, согласно гражданскому законодательству, устанавливается исключительно при ликвидации предприятия без перехода прав и обязанностей (т.е. отсутствует порядок правопреемства).

Следует обратить внимание на то, что слово «упразднение» в законодательстве является равнозначным слову «ликвидация». Однако, на наш взгляд, данные понятия следует разграничить. Поскольку согласно части 1 статьи 61 ГК РФ ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода в порядке универсального

правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам. То есть ликвидация представляет собой полное прекращение юридического лица, его полное исчезновение.

В свою очередь, часть 1 статьи 57 ГК РФ регламентирует, что реорганизация юридического лица (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) может быть осуществлена по решению его учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом. Исходя из положений статьи 58 ГК РФ реорганизация юридического лица предполагает собой переход прав и обязанностей к новому лицу в порядке правопреемства.

Так, проанализировав нормативные правовые акты, принятые Главой ДНР указы о ликвидации (упразднении) министерств, а также дополнительно изучив практику Российской Федерации, хотелось бы подчеркнуть следующее, что органы государственной власти прекращают свое существование в порядке проведения процедуры ликвидации по решению Главы ДНР, но при этом им необходимо передать архивные документы в новосозданный орган. Из этого следует, что орган государственной власти не прекращает свою деятельность полностью, а лишь присоединяется к уже существующему с передачей прав и обязанностей. Так, на наш взгляд, более правильным является применение положений о реорганизации, а именно в форме присоединения. Поскольку в результате присоединения юридическое лицо прекращает свое существование и становятся частью другого, с передачей ему собственности, имущественных прав и обязанностей ранее действующего юридического лица.

В связи с чем, считаем необходимым предусмотреть в гражданском законодательстве новую дефиницию относительно понятия «упразднение» в отношении органов государственной власти и отождествлять его с термином «реорганизация», так как происходит делегирование определенных полномочий, передача функций, прав и обязанностей, а также соответствующих документов другому, уже существующему юридическому лицу.

Таким образом, на сегодняшний день, при проводимых реформах в нашей молодой Республике, происходит ряд целостных изменений в связи с вхождением ДНР в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта, начиная свой новый этап в рамках российского правового поля. Для того, чтобы осуществить полный переход под российские стандарты, необходимо в установленный законодательством порядке переходный период, разработать определенные правила и мероприятия по упразднению (реорганизации) государственных органов. Самое главное в указанный период, не нарушить целостность работающей системы и соблюдать непрерывность осуществления функций, поскольку сейчас в ДНР ликвидируются все органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Выводы. Резюмируя все вышесказанное, мы считаем необходимым предусмотреть в законодательстве Донецкой Народной Республики и Российской Федерации такие понятия как «орган государственной власти» и «упразднение органов государственной власти». В частности, предлагаем закрепить следующее авторское понятие «орган государственной власти (государственный орган)» и «упразднение (реорганизация) органов государственной власти».

Так, под «органами государственной власти (государственный орган)» предлагаем понимать обособленный государственный аппарат, который наделен государственно-властными полномочиями, действующий в пределах своей компетенции от имени государства в порядке, установленном законодательством и создаваемый в качестве юридического лица, в случае необходимости его самостоятельного участия в гражданско-правовых отношениях;

«Упразднение органов государственной власти (государственных органов)» – это прекращение деятельности органа государственной власти (государственного органа) с последующей передачей полномочий, функций, имущественных прав и обязанностей, а также соответствующих документов упраздняемого органа государственной власти (государственного органа) к уже существующему, в порядке правопреемства.

Также необходимо разработать и утвердить порядок упразднения органов государственной власти (государственных органов) на территории ДНР, который будет детально регламентировать механизм упразднения. А именно его этапы, полномочия лиц, осуществляющих упразднение (управляющих данной процедурой), особенности перехода прав и обязанностей от одного органа к другому, передачи документации, увольнения и назначения работников в новый орган, соответствующие гарантии работников, в том числе на назначение в новый орган, особенности регистрационных процедур (необходим упрощенный порядок).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 01.06.2024);
2. Российская Федерация. Законы. Конституция Донецкой Народной Республики: [принята Народным советом Донецкой Народной Республики 30 декабря 2022 года] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://dnrsovet.su/konstitutsiya/ (дата обращения: 01.06.2024);
3. Миронов, А. Л. Понятие государственного органа и его место в государственном регулировании / А. Л. Миронов. – Тексты: непосредственный // Научный журнал. Вестник Московского университета МВД России. Серия: Право. – 2012. – вып. 4. – С. 40-43;
4. Пономарев, В. Н. К вопросу о соотношении понятий «государственный орган» и «орган государственной власти» / В. Н. Пономарев. Тексты: непосредственный // Научный журнал. Аллея науки. – 2022. – т. 1. вып. 2 (65). – С. 148-153;
5. Российская Федерация. Законы. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон № 8-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 января 2009 года: Одобрен Советом Федерации 28 января 2009 года] // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 февраля 2009 г. № 7 ст. 776;
6. Президент Российской Федерации: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течении суток. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/19870 (дата обращения: 19.06.2024). – Текст: электронный.
7. Пяжиев, Д. В. Органы государственной власти как юридические лица публичного права / Д. В. Пяжиев. Тексты: непосредственный // Научный журнал. Инновации. Наука. Образование. – 2022. – вып. 71. – С. 181-189;
8. Мавлиханова, Р. В. Актуальные вопросы ликвидации государственных органов: гражданско-правовой аспект / Р. В. Мавлиханова, К. А. Крючкова. Тексты: непосредственный // Научный журнал. Сборник научных работ серии «право». – 2023. – вып. 1 (29). – С. 104-113;
9. Президент Российской Федерации: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течении суток. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46411 (дата обращения: 19.06.2024). – Текст: электронный.
10. Донецкая Народная Республика: официальный сайт. – 2023. – URL: http://npa.dnronline.su/2023-09-29/2-rz-o-narodnom-sovete-donetskoj-narodnoj-respubliki.html (дата обращения: 24.07.2024). – Текст: электронный.

Поступила в редакцию 12.01.2025 г., рекомендована к печати 29.01.2025 г.

SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC DURING THE TRANSITION PERIOD

Usatenko K.P.

This scientific work analyzes the legal status of public authorities as participants in civil law relations. It is considered that within the framework of the implementation of the integration process, that is, the entry of the Donetsk People's Republic into the Russian Federation as a new entity, new state authorities are being formed. It is proved that the liquidation of public authorities and the complete transition to the Russian legal space is a laborious process, which requires additional theoretical understanding of the legal position of public authorities as a legal category.

Keywords: public authority, state body, state structure, liquidation, reorganization, abolition.

Усатенко Каролина Петровна
аспирант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: super.kpz99@yandex.ru

Usatenko Karolina Petrovna
Postgraduate student of the Faculty of Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: super.kpz99@yandex.ru

Г Р А Ж Д А Н С К О-П Р А В О В Ы Е (Ц И В И Л И С Т И Ч Е С К И Е) Н А У К И

УДК 347.6
DOI 10.5281/zenodo.17694880

ОСОБЕННОСТИ МЕДИАЦИИ В СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ

© **2025.** ***Н.В. Асеева, Ю.С. Гокунь***

Статья посвящена исследованию особенностей медиации в семейных спорах. Определено, что особенности медиации в семейных спорах могут различаться в зависимости от вида спора. Сделан вывод о том, что особенности медиации в семейных спорах связаны со спецификой самих семейно-правовых споров и проявляются при выборе медиативной техники.

Ключевые слова: медиация, особенности, семейные споры, виды споров, техники медиации.

Введение. Конституция Российской Федерации, закрепляя права и свободы, предусматривает также и способы их защиты [1], которые могут быть реализованы как посредством внесудебных процедур, установленных законом, так и с помощью правосудия. Одной из таких внесудебных процедур признается медиация. Преимущества медиации заключаются в том, что она помогает сэкономить время, деньги и эмоциональные силы участников спора. При ее проведении обстановка, организация, регламент и содержание процесса определяются индивидуально.

Основная часть. Согласно п.2 ч.1 ст.2 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», процедура медиации представляет собой способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [2]. Исходя из ч.2 ст.1 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», становится понятно, что процедура медиации применяется к спорам, которые возникают из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых и семейных правоотношений. Медиация в семейных спорах имеет свои особенности, изучению которых и будет посвящено данное исследование.

Прежде всего отметим, что к семейным спорам принято относить конфликты, возникающие между близкими родственниками, в том числе и бывшими, требующими разрешения в судебном порядке либо посредством внесудебных процедур. Речь идет не только о супругах, но и родителях, детях, а также опекунах. Семейные споры возможно поделить на следующие три вида. К первому виду относятся споры, которые возникают между супругами. Они могут быть связаны с разводом, разделом имущества, признанием супружеских отношений недействительными. Ко второму виду семейных споров следует отнести конфликты, обусловленные отношениями «родители-дети». Это споры, возникающие при определении места жительства ребенка, размера алиментов, установление либо оспариванию отцовства, по лишению родительских прав

одного из супругов. Третий вид включает в себя все остальные типы семейных споров. К ним относят усыновление, порядок установления времени общения ребенка с отцом либо матерью, дедушками, бабушками. Кроме того, к остальным типам семейных споров относят и случаи требования алиментов с бабушек, иных кровных родственников ребенка, споры о денежном содержании престарелых родителей своими детьми.

Отличительной особенностью семейных споров независимо от их вида является их запутанность и сложность с моральной точки зрения для каждой из сторон. Это осложняет и замедляет их разрешение. Поскольку при проведении медиации происходит пересечение правовых и психологических аспектов, разрешение судебных споров медиатором сопровождается повышенной эмоциональной напряженностью между членами одной семью, близкими родственниками, родственниками, людьми, ранее бывшими одной семьей. Именно в этом и заключается ключевая особенность медиации в семейных спорах.

Особенности медиации в семейных спорах могут варьироваться в зависимости от вида спора. Вполне обоснованно полагать, что применение медиации оправдано в различных видах семейных споров, в том числе при расторжении брака, при решении вопроса о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей, при рассмотрении исков о порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя, при разделе совместно нажитого имущества супругов, по делам, возникающим из алиментных правоотношений и т.д. Ряд авторов, среди которых и Семенова И.Ю., полагает, что введение института обязательной семейной медиации позволит в некоторых случаях сохранить и возможно даже укрепить брак [3, с.63-70]. В остальных же случаях обязательная семейная медиация будет способствовать сглаживанию негативных последствий распада семьи как имущественного характера, так и иных, связанных с воспитанием и содержанием несовершеннолетних детей [4, с.17-19].

Существуют ситуации, во время которых между сторонами имеется правовой конфликт, однако, они нацелены на сохранение доверительных отношений. Именно так, зачастую, и происходит в спорах по алиментным правоотношениям. В данных ситуациях применение процедуры медиации должно рассматриваться как промежуточная процедура между добровольным (по соглашению об уплате алиментов) и судебным порядком уплаты алиментов. При этом, приходится констатировать отсутствие в аналогичных ситуациях явной системы правовых гарантий, направленных на осуществление и защиту права на получение содержания, что выступает в качестве одной из особенностей медиации в семейных спорах. Отсутствие правовых гарантий, направленных на осуществление и защиту права на получение содержания, обуславливается неопределенностью правовой природы медиативных соглашений по спорам из алиментных, в частности, и из семейных правоотношений в целом. В связи с этим, данный вопрос нуждается в законодательном разрешении, т.к. эффективное исполнение медиативных соглашений невозможно без легальной конкретизации их правовой природы [5, с.173-176].

Обращение к медиации в спорах о разделе имущества свидетельствует о желании супругов разрешить конфликтную ситуацию, не прибегая к помощи суда. Как известно, законом уже установлен режим раздела совместно нажитого имущества супругов. Так, статьи 256 ГК РФ [6] и 38 СК РФ [7] устанавливают, что при разделе имущества, каждый из супругов получает половину из общей массы вещей. Следовательно, уже в начале обсуждения стороны понимают, на что могут рассчитывать. Медиация, в свою очередь, позволяет не только ускорить процесс, но в большинстве случаев свести обсуждение лишь к выбору наиболее удобных способов передачи имущества друг другу либо

определения вариантов выплаты компенсации при разнице в стоимости приобретаемого имущества.

Особенности медиации в семейных спорах проявляются и при выборе техники медиации. Полагаем, перед изучением техник, применяемых в семейной медиации, целесообразным представляется проведение анализа существующих медиативных техник. Медиативная техника подразумевает под собой применение различных приемов и методов, которые позволяют сделать процесс медиации эффективным и успешным. Существуют следующие техники медиации:

1) коммуникативные техники. От них во многом зависит исход разрешения возникшего спора, т.к. управление коммуникацией между сторонами и медиатором предоставляет ему возможность управлять процессом, общаться со сторонами, выслушивать и понимать их. Для этого медиатору необходимо умело владеть риторикой, быть способным построить правильную аргументацию, владеть искусством переговоров, техникой постановки вопросов, уметь снять возникшее в ходе процедуры медиации напряжение и др.;

2) дискуссионные техники. Помогают сделать спор между сторонами рациональным, помогают не проявлять эмоции через крики и ссоры. При обращении к данной технике стороны остаются спокойными;

3) техники для выявления ошибок. Направлены на выявление медиатором и указание сторонам на логические ошибки во время спора, помощь в их исправлении с помощью аргументов;

4) профессиональные техники. Подразумевают под собой то, что медиатор может помочь сторонам найти необходимую информацию (например, дать совет ознакомиться с тем либо иным нормативным правовым актом);

5) психологическая техника. Заключается в оказании медиатором психологической поддержки всех позитивных действий каждой из сторон. Так, медиатор акцентирует внимание на положительных моментах, воодушевляет стороны на положительные результаты и т. д.

В рамках семейно-медиативной технологии чаще используются процессуальные, коммуникативные и восстановительные техники. Особое место в процессе проведения медиативных процедур отведено процессуальным техникам. Непосредственно сам процесс переговоров начинается с того, что в указанный день стороны встречаются вместе с медиатором за столом переговоров. Медиатор представляется сторонам и просит сторон занять свои места. Медиатор сразу же задает тон переговоров, пытается создать благоприятную и безопасную атмосферу. Он разъясняет сторонам о правилах и этапах предстоящего процесса. Соблюдение правил имеет очень важное значение для процесса ведения переговоров, поскольку оно способствует ведению конструктивного диалога и достижению цели медиации, т.е. достижения сторонами взаимоприемлемого решения.

Коммуникативные техники включают в себя умения и навыки медиатора по организации и проведению переговоров, использованию техники постановки вопросов, правил рациональной дискуссии. Коммуникативные техники в семейной медиации включают следующие аспекты:

1) управление коммуникативным процессом при помощи разработки перечня вопросов для каждой стороны, разъяснение сторонам техники постановки вопросов. Профессионально заданные медиатором вопросы помогают отделить эмоции от существа дела, позволяют шире взглянуть на возникшую проблему, понять и принять точку зрения противоположной стороны. Медиатор содействует разрешению споров сторон посредством надзора за процессом обмена информацией и ходом переговоров.

Он помогает сторонам найти точки соприкосновения и справиться с предвзятыми и ложными ожиданиями. Медиатор вправе также предложить творческие решения и помочь в разработке окончательного урегулирования;

2) техника пассивного слушания предполагает то, что медиатор должен убедить обе стороны выслушать друг друга спокойно. Для того чтобы охладить эмоции, важно периодически уточнять позиции сторон, задавая вопросы. Также важным со стороны медиатора представляется отказ от любых эмоциональных оценок. Медиатору следует убедить стороны не строить диалог на обвинениях и не указывать на ошибки друг друга, избегать любых обвинительных конструкций, а слушать не перебивая, дать сторонам поочередно выговориться;

3) техника «мозгового штурма» в семейной медиации помогает выявить в позициях сторон ошибки в аргументации, провести их разъяснение каждой из сторон и помощь в исправлении с использованием основных правил аргументации. Например, дать сторонам совет прочесть формулировку необходимого юридического документа и в последующем посоветовать опираться на нее, а не на свои личные рассуждения;

4) техники фиксации внимания на моментах единства и согласия имеют особое значение для разрешения медиатором семейно-правового спора. Данная техника существует в виде оказания психологической поддержки медиатором любых позитивных действий каждой из сторон, а также в виде содействия тому, чтобы обе стороны совместно отметили любые позитивные результаты переговоров;

5) техника активного слушания и перефразирования, сближения позиций сторон, уточнения достигнутых соглашений. К указанным техникам медиатор обращается, когда хочет перефразировать рассказанное ему сторонами и дать им возможность услышать свой собственный рассказ от медиатора. Важным здесь признается производимое медиатором сглаживание острых моментов.

Выводы. Необходимо обратить внимание на то, что медиация по своей природе является восстановительной. Она подразумевает восстановление состояния, нарушенного вследствие конфликта, а также связей и отношений, которые ранее существовали между участниками. Восстановительные техники в медиации принимают форму приемов по создания медиатором условий для восстановления способности участников спора понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения конфликта. При этом, попытки восстановить отношения не предпринимаются, если стороны этого не желают. Восстановительная техника во многом опирается на использование восстановительных действий. Последние представляют собой действия, которые помогают исправить последствия конфликтной ситуации. Восстановительные действия могут принимать форму извинения, прощения, намерения искренне загладить причиненный вред.

Зачастую, восстановительные практики применяются в спорах, возникающих между супругами. Если медиатор видит, что отношения еще не завершились и их можно восстановить, он должен оказать помощь сторонам в примирении и, возможно, направить их к специалисту по семейной психологии либо же при наличии соответствующей квалификации самостоятельно оказать психологические услуги. Применение восстановительной техники медиации в семейных спорах ставит своей целью создание условий для восстановления способности сторон понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения конфликта. Восстановительные техники применяются в случаях возникновения ссор между супругами и расторжения брака, разделе вследствие этого имущества между родственниками, а также при разделе наследства, при определении порядка общения бывших супругов с детьми, а также местожительства ребенка.

В заключение подытожим, что особенности медиации в семейных спорах связаны со спецификой самих семейно-правовых споров. Кроме того, данные особенности проявляются и при выборе медиативной техники.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : Федеральный закон от 12.12.1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.12.2024). – Загл. с экрана.
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 12.12.2024). – Загл. с экрана.
3. Семенова, И.Ю. Особенности медиации в семейных отношениях / И.Ю. Семенова // Oeconomia et Jus. – 2018. – №3. – С.63-70.
4. Трофимец, И. А. Медиация и расторжение брака / И. А. Трофимец // Российский судья. – 2014. – № 10. – С. 17–19.
5. Дерюшева, О.И. Медиация в семейных спорах / О.И. Дерюшова // Территория науки. – 2017. – №3. – С.173-176.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.12.2024). – Загл. с экрана.
7. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.1995 N 223-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 12.12.2024). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 16.12.2024 г., рекомендована к печати 09.01.2025 г.

FEATURES OF MEDIATION IN FAMILY DISPUTES

Aseeva N.V., Gokun J.S.

The article is devoted to the study of the features of mediation in family disputes. It has been determined that the features of mediation in family disputes may vary depending on the type of dispute. It is concluded that the features of mediation in family disputes are related to the specifics of family law disputes themselves and are manifested in the choice of mediation technique.

Key words: mediation, features, family disputes, types of disputes, mediation techniques.

Асеева Наталия Васильевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: n.aseeva@donnu.ru

Гокунь Юлия Сергеевна
аспирант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

Aseeva Natalia Vasilievna
Candidate of law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of civil law and process of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: n.aseeva@donnu.ru

Gokun Julia Sergeevna
Postgraduate student of the Faculty of Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

У Г О Л О В Н О-П Р А В О В Ы Е Н А У К И

УДК 347.965
DOI 10.5281/zenodo.17694952

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ АДВОКАТАМИ ПРАВИЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© 2025. *Н.А. Тимошенко*

Работа посвящена исследованию проблем соблюдения адвокатами правил профессиональной этики в рамках уголовного судопроизводства. Была предложена разработка специальных материалов на базе центров повышения квалификации адвокатов в виде онлайн-курсов. Сформулирован вывод о необходимости введения всеобщего запрета на дисциплинарное преследование в отношении адвокатов за объективную критику. В рамках исследования были затронуты проблемные вопросы нравственного поведения адвокатов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, адвокатская этика, кодекс профессиональной этики адвоката, информационно-коммуникационные сети, правила интернет-коммуникаций, дисциплинарное производство, нравственное поведение.

Введение. Актуальность исследования заключается в следующем. Конституция Российской Федерации в качестве высшей ценности признает человека, его права и свободы. В свою очередь, центральным объектом для профессии юриста, в том числе адвоката, является непосредственно человек и его законные интересы. Адвокатура оказывает существенное влияние на сферу отправления правосудия. Основная государственно-значимая функция адвоката заключается в защите неограниченного круга физических или юридических лиц. Так, согласно ч. 1 ст. 48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи [1].

Адвокат должен быть честным и порядочным человеком для того, чтобы выстроить доверительные отношения с клиентом, права которого он защищает. Таким образом, особую значимость приобретает корпоративная дисциплина и профессиональная этика, без которой существование и работа сообщества адвокатов невозможна. Этика профессионального поведения в механизме оказания квалифицированной правовой помощи является ключевой стороной для данного вида деятельности.

В связи с вышеизложенным, рассмотрение проблем в сфере адвокатской этики приобретает особую актуальность и значимость не только для адвокатской сферы, но и российского общества в целом. В качестве методов исследования применялись системный метод, метод диалектического познания, формально-логический и другие методы познания.

Основная часть. Изучение проблем современности, связанных с соблюдением адвокатской этики, оказывает влияние на развитие профессиональной этики как отдельного направления науки, предназначенного анализировать различные условия использования норм морали при осуществлении обязанностей, возложенных на адвоката.

Первой очевидной проблемой в настоящий период времени является соблюдение адвокатами Кодекса профессиональной этики в информационно-коммуникационных сетях, включая сеть Интернет. В научной статье Валиахметовой Л.Р., Сайфутдиновой А.Ю., Ларинбаевой И.И. отмечается, что «вопросам соблюдения адвокатской этики в ИКС на сегодняшний день посвящено малое количество научных исследований, ключевые проблемные вопросы решаются по инициативе адвокатских сообществ на уровне Федеральной палаты адвокатов РФ» [2, с. 87]. На сегодняшний день информационно-

коммуникационные сети являются уже привычным для людей явлением, исключением в этом смысле не является и адвокатская сфера деятельности. Интернет выступает в роли места трудовой деятельности и позволяет плодотворнее общаться с клиентами. Посредством использования интернета имеется возможность формирования и продвижения своего личного бренда в массы. Социальные сети позволяют адвокатам вести свою деятельность значительно эффективнее.

В п. 4 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», закреплено правило, согласно которому адвокат обязан «соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции» [3]. Это положение подчеркивает обширную сферу распространения правил адвокатской этики, в том числе данные правила распространяются и на сферу интернет-коммуникаций. Кодекс профессиональной этики адвоката, хотя и не является законодательным актом в полной мере, содержит нормы права, распространяющие свое действие на определенную группу лиц (адвокатское сообщество). Адвокатское сообщество обязалось соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката наравне с другими законами, следовательно, он имеет статус обязательного и для других лиц, интересы которых соприкасаются с вопросами, которые он регламентирует.

Таким образом, далее речь будет идти не просто о своде правил в сфере соблюдения этики, а именно о нормативно-правовом акте, который устанавливает формально определенные, обязательные для всех адвокатов нормы поведения, за нарушение которых в Кодексе профессиональной этики адвоката предусмотрена ответственность и порядок привлечения к ней. В сети Интернет возникают следующие проблемные аспекты, связанные с соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики:

1. Должен ли адвокат соблюдать Кодекс адвокатской этики в процессе маркетинга при продвижении в публичном пространстве?

2. Какие инструменты рекламной кампании адвокат вправе использовать в сети, не противоречащие положениям Кодекса профессиональной этики адвоката?

3. Как устранить анонимные ложные сведения об адвокате, размещенные в интернете, не нарушив при этом положения Кодекса профессиональной этики адвоката?

В некоторой степени ответы на поставленные вопросы были даны в Рекомендациях по ведению персональных сайтов адвокатами, утвержденных Советом ФПА РФ 15 сентября 2022 года. Так, согласно п. 4 Рекомендаций по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката не рекомендуется использование на сайте для описания деятельности адвоката, а также лиц или организаций, с которыми он вступает в профессиональные взаимоотношения, слов и выражений с неясным содержанием, а также терминов и определений, не предусмотренных действующим законодательством и корпоративными актами адвокатского сообщества [4]. Адвокатов предостерегают о том, что будет некорректным называть доверителя клиентом, а юридическую помощь услугами. Это связано с тем, что подобные термины зачастую применяются в коммерческой сфере и у неосведомленного посетителя сайта могут возникнуть мысли о том, что адвокатская деятельность является исключительно предпринимательской. Таким образом, делается отсылка на ч.2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которой при реализации профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению [5].

В упомянутых Рекомендациях, в частности, присутствуют следующие общеобязательные сведения:

– информация о структуре самого сайта;

– разрешенная к размещению на сайте адвокатов информация;

– информация, которая запрещена к размещению на сайтах;

– рекомендации по обеспечению профессиональной и цифровой безопасности.

Также стоит отметить, что 29 сентября 2016 года Совет ФПА утвердил Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Данные правила были созданы в качестве ответа на тенденции, имеющие место быть в современности. В частности, данный документ содержит ключевые идеи, которым должен следовать адвокат, реализуя свою профессиональную деятельность в сети интернет. К числу таких принципов стоит отнести: профессионализм (2.1), сдержанность и корректность (2.2), достоинство (2.3), безопасность (2.4), корпоративность (2.5).

Так, в соответствии с п. 1.3. Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» вступая в адвокатское сообщество и принося присягу, адвокат добровольно принимает установленные правила поведения, вытекающие из характера и особенностей избранной им профессии. Поведение адвоката в сети «Интернет» как форма его публичной активности должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения [6].

Проведенный анализ проблемы соблюдения Кодекса профессиональной этики адвокатов в информационно-коммуникационных сетях показал, что существующих средств регулирования поведения адвокатов недостаточно для полного соблюдения адвокатской этики. Поведение адвокатов в информационно-коммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, обязательно должно соответствовать рамкам, установленным в соответствующих положениях, рекомендациях и правилах (поведение должно быть нравственно верным как при ведении персонального сайта, так и при общении с доверителями через социальные сети). Предусмотреть все потенциальные этические конфликты, возникающие в рамках сети Интернет, не представляется возможным ввиду их существенного многообразия и непредсказуемости. Тем не менее, вполне реальным видится установление рамок, в пределах которых поведение адвокатов в сети Интернет может быть проанализировано с точки зрения соблюдения норм адвокатской этики. Особенно актуальным данное нововведение является для уголовно-правовой сферы. Адвокат представляет доверителя в разных видах процесса: гражданском, уголовном, арбитражном и т.д. Однако наиболее строгое этическое регулирование затрагивает деятельность адвоката именно в уголовном процессе [7, с. 42].

С целью недопущения нарушения профессиональной этики адвокатов в информационно-коммуникационных сетях, считаем необходимым создать учебно-разъяснительные материалы для адвокатов. Эти материалы должны быть разработаны на базе центров повышения квалификации адвокатов в виде онлайн-курсов, например, «Соблюдение этики адвокатов в информационно-коммуникационных сетях».

В частности, данный курс окажет положительное влияние на реализацию норм Кодекса профессиональной этики адвокатов. В рамках курса должны рассматриваться следующие вопросы:

– правила поведения адвоката в рамках ИКС;

– рекламные компании, связанные с деятельностью адвоката;

– правила интернет-коммуникаций между адвокатом и доверителем;

– действия адвоката, связанные с удалением недостоверной информации;

– соответствие персонального сайта адвоката (или сайта адвокатского образования) положениям Кодекса профессиональной этики адвоката, Рекомендациям ФПА РФ, Правилам поведения в ИКС интернет;

– онлайн комментарии для СМИ.

Перечисленные вопросы должны быть рассмотрены в рамках курса с учетом

современных тенденций онлайн-образования. Следующая проблема в сфере этики адвокатов, которую необходимо рассмотреть в рамках данного проекта – использование органами корпоративного управления адвокатурой Кодекса профессиональной этики адвоката в качестве средства борьбы с критикой деятельности данных органов. Адвокатура по своей сути является самоуправляемым независимым сообществом адвокатов. Она, как непосредственный институт гражданского общества, не является составляющим звеном органов государственной власти, а также органов местного самоуправления.

Адвокатура посредством оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи осуществляет защиту прав, свобод и интересов доверителей, обеспечивает доступ к правосудию, участвует в правовом просвещении, совершенствовании законодательства и практики его применения, а также осуществляет защиту профессиональных прав, свобод и интересов адвокатов [8, с. 21]. Если исходить из посыла, которым руководствовались при принятии КПЭА, то этот акт был разработан непосредственно с целью совершенствования традиций адвокатуры России и призван детализировать и дополнять те правила, которые закреплены в законодательстве об адвокатской деятельности и адвокатуре.

К сожалению, как показывает практика, изменения, которые вносятся в Кодекс профессиональной этики адвоката, способствуют ликвидации объективных критических высказываний в сфере адвокатуры. В своей научной статье Рагулин А.В. пишет, что «с появлением в 2017 г. в КПЭА ныне действующей редакции ч. 2 ст. 5 и ч. 5 ст. 9 действие этого акта начало распространяться не только на профессиональную деятельность адвоката, которую, даже судя из названия, призван регулировать этот акт, но и на всю жизнедеятельность адвоката» [9, с. 28]. Согласно сведений, содержащихся в отчетах Совета ФПА РФ видно, что после появления упомянутых норм, с 2017 по 2019 год, прослеживается тенденция резкого увеличения числа адвокатов, чей статус был прекращен вследствие дисциплинарного производства (число таких адвокатов увеличилось на 57 %, то есть более чем в два раза). Причиной начала дисциплинарного производства было несоблюдение Кодекса профессиональной этики адвоката. Таким образом, на сегодняшний день существует проблема, суть которой заключается в том, что недобросовестные представители адвокатских палат используют Кодекс профессиональной этики адвоката в качестве средства борьбы с объективной критикой в свой адрес.

В силу положений ст. 39 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» общественные объединения адвокатов не имеют широких полномочий для непосредственного влияния на деятельность органов кооперативного управления в сфере защиты адвокатов от необоснованного дисциплинарного преследования. По этой причине на практике достаточно часто происходят необоснованные лишения адвокатского статуса.

Мы считаем необходимым ввести в Кодекс профессиональной этики адвоката всеобщий запрет на дисциплинарное преследование в отношении адвокатов за объективную критику деятельности органов кооперативного управления. Запрет на дисциплинарное преследование мог бы быть закреплен в следующем виде: «Не допускается применение дисциплинарного производства в отношении адвоката в целях осуществления его преследования за высказанную и поддерживаемую им позицию по делу, а также за высказывание объективных критических замечаний, в том числе относительно деятельности органов адвокатского самоуправления, их руководителей и сотрудников».

В рамках данного проекта необходимо также рассмотреть проблему нравственного регулирования деятельности адвоката. Нравственность - внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами. Нравственные качества адвоката необходимо анализировать в непосредственной взаимосвязи с категориями этики, которые являются основной составляющей любых моральных свойств человека. Этические категории содержат в себе все нормы нравственного поведения и целиком раскрывают требования морали к личности.

Адвокат при любых обстоятельствах, в соответствии ч.1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии. Таким образом, нравственные качества являются ключевыми составляющими морального сознания и поведения адвоката. В связи с тем, что грамотная реализация профессиональной деятельности адвоката находится в прямой зависимости от степени этичности поведения, уровня нравственности личности, ключевое значение приобретают моральные качества представителей данной профессии. Они предполагают одинаковую линию поведения адвоката в различных ситуациях. Нравственные качества позволяют раскрыть моральный облик адвоката и необходимы для устранения сложностей, возникающих в ходе профессиональной деятельности.

Выводы. В связи с вышеизложенным, считаем необходимым внести изменения в ч.1 ст. 8 Кодекса профессиональной деятельности адвоката, указав, что действия адвоката должны быть основаны в первую очередь на нравственных началах. Упомянутое положение должно быть дополнено следующим образом: «руководствуясь принципами нравственности, честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом».

Предложенные в рамках данного проекта нововведения могут оказать положительное влияние на соблюдение этики в ходе реализации адвокатами своих обязательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 06.12.2024). – Загл. с экрана.
2. Валиахметова, Л. Р. Проблемы соблюдения адвокатской этики в информационно-коммуникационных сетях / Л. Р. Валиахметова, А. Ю. Сайфутдинов, И. И. Ларинбаева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 5-1(80). – С. 87-90.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 24 июля 2023 г. № 383-ФЗ) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12126961/ (дата обращения: 10.12.2024). – Загл. с экрана.
4. Рекомендации по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 15 сентября 2022 г., Протокол № 15) (вместе с «Примерной структурой сайта и общими правилами ведения сайта», «Цифровой и профессиональной безопасностью при ведении сайта») // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405204093/ (дата обращения: 10.12.2024). – Загл. с экрана.
5. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (с посл. изм. и доп. от 15 апреля 2021 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12130519/ (дата обращения: 06.12.2024). – Загл. с экрана.
6. Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 28 сентября 2016 г., протокол № 7) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/71500382/ (дата обращения: 10.12.2024). – Загл. с экрана.
7. Новосвитная, Б. В. Соблюдение адвокатской этики в интернете (социальных сетях) / Б. В. Новосвитная, М. И. Хохлова, И. А. Незнамова // Образование и право. – 2021. – № 11. – С. 40-44.
8. Рагулин, А. В. Закрепление статуса адвокатуры в Конституции Российской Федерации отложено на наопределенный срок / А. В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2021. – № 3(52). – С. 15-26.
9. Рагулин, А. В. Кодекс профессиональной этики адвоката как средство борьбы с критикой в адвокатуре / А. В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 6(49). – С. 26-38.

Поступила в редакцию 16.12.2024 г., рекомендована к печати 09.01.2025 г.

PROBLEMS OF COMPLIANCE BY LAWYERS WITH THE RULES OF PROFESSIONAL ETHICS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Timoshenko N.A.

The work is devoted to the study of problems of lawyers' compliance with the rules of professional ethics in criminal proceedings. It was proposed to develop special materials based on centers for advanced training of lawyers in the form of online courses. The conclusion is formulated about the need to introduce a general ban on disciplinary prosecution against lawyers for objective criticism. The study touched upon problematic issues of moral behavior of lawyers.

Keywords: criminal proceedings, lawyer's ethics, code of professional ethics of a lawyer, information and communication networks, rules of Internet communications, disciplinary proceedings, moral behavior.

Тимошенко Нина Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: nina.timoshenko@donnu.ru

Timoshenko Nina Aleksandrovna
Candidate of law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: nina.timoshenko@donnu.ru

М Е Ж Д У Н А Р О Д Н О-П Р А В О В Ы Е Н А У К И

УДК 341.01
DOI 10.5281/zenodo.17695454

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

© 2025. *Е.В. Кулакова*

В статье представлен анализ доктринальных подходов к пониманию сущности международной ответственности, прослеживается её историческая эволюция от реторсий к современным формам правового реагирования, рассматриваются особенности ответственности за нарушения *erga omnes* и коллективных обязательств, а также анализируются ключевые пробелы в действующем правовом регулировании. На основе проведённого исследования обосновывается необходимость разработки и принятия универсальной конвенции на основе Проекта статей Комиссии международного права ООН 2001 года как важнейшего шага на пути к укреплению верховенства права в международных отношениях.

Ключевые слова: международная ответственность, государство, международное право, международно-противоправное деяние, Проект статей Комиссии международного права ООН, pacta sunt servanda, позитивная ответственность, негативная ответственность, международный обычай, erga omnes, контрмеры, кодификация.

Введение. Современная эпоха характеризуется беспрецедентной взаимосвязью государств, что одновременно создаёт возможности для сотрудничества и усиливает риски правонарушений в международной сфере. В этих условиях эффективность международного права напрямую зависит от наличия надёжного механизма привлечения субъектов к ответственности за нарушение своих обязательств. Международно-правовая ответственность выступает не просто как реакция на правонарушение, но и как структурный элемент легитимности всей системы международных отношений.

Однако, несмотря на очевидную важность, институт международной ответственности остаётся недостаточно урегулированным на уровне универсальных договоров. Основой регулирования по-прежнему служат международные обычаи, интерпретируемые через призму доктрины и практики международных судебных органов. Хотя в 2001 году Комиссия международного права (далее – КМП) ООН завершила многолетнюю работу над проектом статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, он так и не был преобразован в международный договор. Это создаёт правовую неопределённость, особенно в контексте новых вызовов – киберконфликтов, климатических катастроф, массовых нарушений прав человека и агрессивных действий, затрагивающих интересы всего международного сообщества.

Целью настоящего исследования является всесторонний анализ института международной ответственности государств с учётом его исторического развития, теоретико-правовых основ, современных доктринальных споров и практических проблем применения. Особое внимание уделяется соотношению позитивной и негативной ответственности, вопросам коллективной ответственности и необходимости кодификации.

Среди ученых, которые занимались изучением института международно-правовой ответственности государств, можно выделить работы отечественных юристов-международников, таких как Е.В. Брита, В.А. Василенко, М.В. Кешнера, Г.И. Курдюкова,

Д.Б. Левина, И.И. Лукашука, Е.А. Прошину, В.М. Шумилова, Г.И. Тункина, Н.А. Ушакова, Р.Л. Хачатурова, Ю.М. Колосова, М.В. Кривенкову и др.

Основная часть. Как справедливо отмечает Брит Е.В. действующие нормы об ответственности в современном международном праве не кодифицированы, что создаёт определённую сложность в понимании данного института [1].

Институт международной ответственности имеет глубокие исторические корни. В эпоху классического международного права (XVII–XIX вв.) ответственность носила преимущественно «цивилистический» характер, т.е. ограничивалась возмещением материального ущерба, причинённого иностранцам или их собственности. Принудительные меры (реторсии, репрессалии) применялись редко и считались крайней мерой.

С развитием международных организаций и появлением коллективных норм (например, запрета на агрессию, геноцид, пытки) ответственность стала выходить за рамки бинарных отношений «нарушитель – потерпевший». Появилась категория обязательств erga omnes – обязательств перед всем международным сообществом, которые защищаются любым государством или международной организацией. Это было закреплено в решении Международного Суда ООН по делу Барселона Тракшн (1970), где Суд впервые признал существование таких обязательств [2].

В XX веке усилия по кодификации получили новый импульс. Кодификация права международной ответственности была предметом острых дискуссий в Комиссии международного права Лиги Наций, а впоследствии – в Комиссии международного права ООН (далее - Комиссия). Предлагались различные проекты, однако международный договор, регламентирующий юридическую ответственность государств за противоправные деяния, так и не был принят. Основным источником права международной ответственности по настоящий момент остается правовой обычай. С помощью него устанавливаются общепризнанные правила поведения, выработанные международно-правовой практикой и имеющие обязательную юридическую силу.

Работа Комиссии, начавшаяся в 1956 году под руководством Роберта Аго, завершилась принятием 12 декабря 2001 г. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, приложение которой содержит документ «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». В соответствии с данным документом международная ответственность наступает за совершение государством международно-противоправного деяния, которое характеризуется наличием поведения, заключающегося в действии или бездействии, нарушающего международно-правовое обязательство этого государства [3]. Этот документ стал наиболее систематизированным изложением существующих норм обычного права в области ответственности государств.

С момента принятия вышеуказанной Резолюции Генеральная Ассамблея ООН регулярно включает в повестку обсуждение Проекта на предмет возможности заключения на его основе многостороннего международного договора. Значение этого проекта трудно переоценить, однако принятие его в форме лишь приложения к резолюции отнюдь не делает его частью позитивного международного права. Положения, закрепленные в проекте, необходимо еще наделить общеобязательной юридической силой и внедрить в международную практику.

Международно-правовая ответственность традиционно рассматривается как юридическое последствие международно-противоправного деяния. Как подчёркивает Н. А. Ушаков, международно-противоправное деяние государства влечёт за собой его международную ответственность [4]. Аналогичной позиции придерживается О. И. Тиунов, указывая, что ответственность является логическим продолжением принципа *pacta sunt servanda*: «Обязанность соблюдать международное соглашение обретает смысл именно на основе признания ответственности…» [5].

Анализ научных подходов относительно исследуемого понятия позволяет сформулировать три существующие концепции международно-правовой ответственности государств:

репарационная – акцент на возмещении вреда (Л. П. Рассказов, Ю. В. Трунцевский) [6];

санкционная – ответственность как применение мер принуждения;

комплексная – объединяющая обязанности нарушителя и право потерпевшего на реализацию своих интересов (С. А. Лобанов) [7].

Представляется, что наиболее оптимальной является комплексная концепция, учитывающая как материальные, так и нематериальные формы ответственности (публичные извинения, гарантии неповторения и т. д.).

Кроме того, современная доктрина всё чаще обращается к концепции позитивной (активной) ответственности, введённой П. Е. Недбайло, который отмечал, что ответственность – это обязанность действовать правомерно, в рамках правовых норм и тех идеалов, для достижения которых эти нормы изданы» [8]. Согласно этой концепции государство несёт ответственность уже в процессе выполнения своих обязательств, а не только при их нарушении.

Позитивная ответственность закреплена в первичных нормах международного права. Например, статья 73 Устава ООН обязывает государства «как священный долг» заботиться о благополучии населения несамоуправляющихся территорий [9]. Это не санкция, а выражение активной правовой роли государства.

В свою очередь, негативная (ретроспективная) ответственность реализуется в охранительных правоотношениях и наступает после совершения правонарушения. Она включает в себя: прекращение противоправного поведения; возмещение ущерба (restitutio in integrum, компенсация, сатисфакция); предоставление гарантий неповторения.

Как справедливо отмечают Р. Л. Хачатуров и Д. А. Липинский, оба аспекта являются двумя сторонами одного явления, поскольку выбор поведения (правомерного или противоправного) всегда осознан и влечёт за собой соответствующие последствия [10].

Традиционно субъектами международной ответственности выступают государства. Однако с развитием международного права всё большее значение приобретает ответственность международных организаций, регулируемая отдельным проектом статей Комиссии международного права (2011). Также возрастает роль индивидуальной уголовной ответственности физических лиц за международные преступления, хотя она принципиально отличается от ответственности государств и не заменяет её.

Необходимо отметить, что международная ответственность государства является объективной ответственностью, которая не зависит от вины. Достаточно установить факт нарушения международного обязательства и причинно-следственную связь между поведением и ущербом.

Формы реализации международной ответственности государств могут быть: материальными (денежная компенсация); нематериальными (извинения, восстановление границ); процедурными (признание факта нарушения, участие в расследовании).

Особую сложность представляет ответственность за нарушение обязательств *erga omnes* – таких, как запрет на геноцид, рабство, пытки, агрессивную войну. Эти нормы считаются *jus cogens* (императивными) и защищаются всем международным сообществом.

В отличие от классической модели, право требовать выполнения обязательств принадлежит любому государству, а не только потерпевшему. Это принципиально меняет природу ответственности, поскольку она становится коллективной и приобретает публично-правовой характер.

Примером может служить дело Гамбия против Мьянмы (2019) в Международном суде ООН по Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Гамбия, не являясь непосредственным потерпевшим, потребовала привлечь Мьянму к

ответственности за действия против рохинджа, и суд признал это требование допустимым [11].

Необходимо отметить, что несмотря на достигнутый прогресс в развитии института международной ответственности государств, действующая система сталкивается с рядом проблем, среди которых можно выделить:

отсутствие универсального международного договора, поскольку Проект статей 2001 года, хотя и отражает нормы обычного права, не имеет обязательной силы;

неясность в определении «ущерба» в цифровой и экологической сферах;

проблемы с реализацией контрмер, особенно в условиях асимметрии сил между государствами;

отсутствие действенных механизмов принуждения к исполнению решений международных судов;

недостаточная регламентация ответственности за бездействие, например, в условиях изменения климата.

Анализ практики свидетельствует о том, что положения проекта статей активно используются: Международным судом ООН (дело Архипелаг Чагос, 2019); Европейским судом по правам человека (дело Илашку и др. против Молдовы и России, 2004); Арбитражными комиссиями по инвестиционным спорам (ICSID).

Однако в ряде случаев государства игнорируют решения или отказываются от диалога, что подрывает эффективность исследуемого института. Особенно ярко это проявилось в контексте вооружённых конфликтов последних лет, где вопросы ответственности становятся предметом, прежде всего, политических, а не правовых дискуссий.

На основе проведённого анализа предлагается под международно-правовой ответственностью государства понимать реализацию юридических последствий в рамках международных охранительных правоотношений, порождённых международным правонарушением, в частности исполнение обязательства государства-правонарушителя прекратить противоправное поведение, восстановить нарушенный правопорядок и понести определённые ограничения материального и нематериального характера, прямо или косвенно связанные с государственным принуждением, а также реализацию права потерпевшего государства, других государств или международных организаций применить эти ограничения с целью обеспечения соблюдения норм международного права, включая обязательства erga omnes и нормы jus cogens.

При этом, для укрепления института международно-правовой ответственности государств представляется целесообразным:

преобразовать проект статей 2001 года в универсальную конвенцию;

разработать дополнительные протоколы для новых вызовов (киберпространство, экология);

повысить роль международных судебных органов в толковании и применении норм об ответственности;

содействовать распространению доктрины позитивной ответственности в дипломатической и образовательной практике.

Выводы. Таким образом, институт международной ответственности государств является неотъемлемым элементом функционирования международного правопорядка. Его двойственная природа – позитивная и негативная – отражает как превентивную, так и репрессивную функции права. В условиях глобальных вызовов особенно важно укреплять не только механизмы наказания, но и культуру добросовестного выполнения обязательств.

Отсутствие кодифицированного универсального акта остаётся серьёзным пробелом, снижающим предсказуемость и эффективность международного права. Принятие конвенции на основе Проекта статей Комиссии международного права ООН стало бы

историческим шагом на пути к утверждению верховенства права как основы стабильных и справедливых международных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брит, Е. В. Ответственность государств в современном международном праве / Е. В. Брит // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы: материалы VI межвузовской студенческой научной конференции, Москва, 03 декабря 2021 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2022. – С. 444-448.
2. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Бельгия против Испании), Reports of the International Court of Justice, 1970. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://law.justia.com/cases/foreign/international/1970-icj-rep-3.html (дата обращения: 08.01.2025). – Загл. с экрана.
3. Ответственность государств за международно-противоправные деяния: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/589 от 12 декабря 2001 г. / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/ga/sixth/56/sixth_res.shtml (дата обращения: 08.01.2025). – Загл. с экрана.
4. Ушаков, Н. А. Основания международной ответственности государств / Н. А. Ушаков. – Москва: Международные отношения, 1983. – 181 с.
5. Тиунов, О. И. СССР и обеспечение международных договоров: учеб. пособие / О. И. Тиунов. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 147 с.
6. Рассказов, Л. П., Упоров, И. В., Трунцевский, Ю. В. Ответственность за транснациональные преступления: монография / Л.П. Рассказов, И.В. Упоров, Ю.В. Трунцевский; Краснодар. юрид. ин-т. – Краснодар, 2000. – 119 с.
7. Лобанов, С. А. Понятие международно-правовой ответственности: дискуссионные вопросы / С. А. Лобанов // Вызовы глобального мира. Вестник ИМТП. – 2014. – № 2. – С. 47-54.
8. Недбайло, П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм / П.Е. Недбайло // Правоведение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – № 3. – С. 44-53.
9. Устав Организации Объединенных Наций: принят 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter (дата обращения: 08.01.2025). – Загл. с экрана.
10. Хачатуров, Р. Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский. – Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2007. – 934 с.
11. Решение Международного суда ООН (ICJ) от 23 января 2020 года по делу «Гамбия против Мьянмы» (Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210013673 (дата обращения: 08.01.2025). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 10.01.2025 г., рекомендована к печати 24.01.2025 г.

NATURE OF INTERNATIONAL RESPONSIBILITY OF STATES IN THE CONTEXT OF THE FRAGMENTATION OF INTERNATIONAL LAW

Kulakova E.V.

The article presents an analysis of doctrinal approaches to understanding the essence of international responsibility, traces its historical evolution from retorsions to modern forms of legal response, examines the specifics of responsibility for erga omnes violations and collective obligations, and analyzes key gaps in the current legal regulation. Based on the conducted research, the article substantiates the need to develop and adopt a universal convention based on the 2001 Draft Articles of the UN Commission on International Law as a crucial step towards strengthening the rule of law in international relations.

Keywords: international responsibility, state, international law, internationally wrongful act, UN Commission on International Law Draft Articles, pacta sunt servanda, positive responsibility, negative responsibility, international custom, erga omnes, countermeasures, codification.

Кулакова Елизавета Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: kulakova.dongu@mail.ru

Kulakova Elizaveta Valerevna
Candidate of law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: kulakova.dongu@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Редакция журнала «Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки» принимает к рассмотрению на предмет опубликования в журнале ранее не опубликованные и не представленные для одновременной публикации в других изданиях научные статьи по тематике журнала.

2. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

– постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

– анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

– формулирование цели и постановка задач;

– изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

– выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

3. Обязательные требования к оформлению статей:

- **Объем статьи** — 5–10 страниц печатного текста

- **Размер бумаги**: А4.

- **Ориентация**: книжная.

- **Поля**: зеркальные, верхнее – 30 мм, нижнее – 30 мм, внутри – 30 мм, снаружи – 20 мм.

- **Положение верхнего и нижнего колонтитула относительно края**: 2 см.

- **Междустрочный интервал**: одинарный.

- **Абзацный отступ**: 1 см.

- **Основной текст статьи**: шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине, без автоматической расстановки переносов.

- **Аннотация, список источников, сведения об авторах**: шрифт Times New Roman, размер 10 пт., с выравниванием по ширине, без автоматической расстановки переносов.

- **Подрисуночные подписи, заглавие и содержание таблиц**: шрифт Times New Roman, размер 10 пт., с выравниванием по центру, без автоматической расстановки переносов.

4. Текст статьи должен соответствовать следующей структурной схеме:

- **Первая строка**: индекс УДК – выравнивание по левому краю, без абзацного отступа.

- **Через строку**: **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, выравнивание по центру, прописными буквами, без переноса слов, без абзацного отступа.

- **Через строку**: копирайт © и **год** – полужирный, выравнивание по левому краю, без точки после года, через 3 пробела ***фамилия(и) и инициалы автора(ов)*** – полужирный, курсив, выравнивание по левому краю, без абзацного отступа.

- **Через две строки**: **аннотация** объемом до 100 слов, кратко отражающая предмет статьи, примененные методы исследований и основные результаты, полученные авторами.

- **На следующей строке**: словосочетание ***Ключевые слова:*** – полужирный, курсив. Далее приводятся ключевые слова количеством до 10 слов, отделяемых друг от друга запятой. Блок аннотация и ключевые слова рекомендуется отделять от основного текста с помощью инструмента «Границы».

- **Через две строки**: основной текст статьи, который содержит введение, основную часть и выводы. Во **введении** рекомендуется излагать постановку проблемы в общем виде

и связь с важнейшими научными и практическими задачами, анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировку целей статьи. В **основной части** рекомендуется излагать основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Основную часть рекомендуется структурировать на разделы с названиями, отражающими их содержание (например: постановка задачи; методы ее решения; анализ полученных результатов). В **выводах** рекомендуется кратко и четко подводить итоги основных результатов, полученных авторами и описывать перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

- **Через строку**: словосочетание **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** размером 10 пт., полужирный, выравнивание по левому краю, прописными буквами, без абзацного отступа. Далее через строку с абзацным выступом 0,5 см приводится нумерованный перечень используемых источников общим списком *в порядке упоминания* в тексте на языке оригинала в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Ссылка на источник приводится в квадратных скобках. Разрешается ссылаться только на опубликованные работы. Необходимо наличие источников последних 5-10 лет по исследуемому вопросу.

- **Через строку**: надпись «*Поступила в редакцию хх.хх.20хх г., рекомендована к печати хх.хх.20хх г.»* размером 10 пт., курсив, выравнивание по правому краю.

- **Через строку**: приводится **НАЗВАНИЕ** статьи, ***фамилия(и) и инициалы автора(ов)***, аннотация и ключевые слова ***(Keywords)*** на английском языке (перевод) размером 10 пт.

- **Через строку**: сведения об авторах размером 10 пт., в таблице с параметром «Нет границ», содержащей два столбца (для сведений на русском и английском языках):

- Фамилия, имя, отчество;

- ученая степень, ученое звание, должность, с указанием организации (в соответствии с уставом), которую представляет автор;

- страна, город;

- адрес электронной почты.

5. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

6. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

7. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

8. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

9. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

10. Публикация статей в журнале бесплатная.

Образец оформления статьи

УДК 342.7:004.8
DOI:

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© 2025. *Е.А. Матвиенко*

В статье анализируются основные направления существующие в научной доктрине в области соблюдения прав человека в условиях применения систем искусственного интеллекта, как ответной реакции на происходящие глобализационные и интеграционные процессы. Автором аргументировано приводятся как положительные аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта, так и вероятность неблагоприятного их влияния на права человека.

Ключевые слова: права и свободы человека, глобализация, интеграционные процессы, система искусственного интеллекта, защита прав человека.

Введение. Современное общество характеризуется своими глобализационными и интеграционными процессами, которые выступают приоритетными направлениями в развитии и модернизации существующего внутреннего устройства государства. Рассматриваемые процессы взаимосвязаны и взаимодополняемы между собой. Глобализацию можно описать как возможность всемирной унификации в различных областях и сферах деятельности общества и государства в целом, с помощью которого происходит ускоренный обмен информацией, технологиями, товарами и услугами, как результат взаимовлияния коммуникаций государств. В свою очередь, интеграцию можно интерпретировать как синтез, то есть процесс объединения разнородных элементов в единое целое. По справедливому утверждению Ждановой М.Г. «…об интеграции же имеет смысл говорить в том случае, если связи между ранее разнородными и независимыми элементами становятся для них существенными, но самое главное они становятся взаимозависимыми. Другими словами, интеграция – это процесс организации отношения элементов, в котором сохраняется их относительная самостоятельность» [1, с. 1].

Основная часть…….
…….
……..

Выводы. Таким образом, использование технологий искусственного интеллекта дают широкие возможности, позволяют автоматизировать рутинные процессы……..…

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Жданова, М. Г. Понятие «интеграция» в исследовании социальных процессов / М. Г. Жданова // Медицина и образование в Сибири. – 2009. – № 1. – С. 1-7.
16. Майоров, А. С. Содержание юридического конструкта «права человека как высшая ценность государства»: теоретико-правовой анализ // Юридическая наука, № 7, 2023. – С. 34-38.
17. Кутафин, О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. – 258 с.
18. Кирса, А. С. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Молодой ученый. – 2020. – № 50 (340) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/340/76371/ (дата обращения: 10.02.2024). – Загл. с экрана.
19. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 12.02.2024). – Загл. с экрана.

20. Аберхаев, Э. Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации // Russian Journal of Economics and Law. 2008. №1 (5) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-neprikosnovennost-chastnoy-zhizni-yuridicheskaya-harakteristika-i-problemy-realizatsii (дата обращения: 10.02.2024). – Загл. с экрана.
21. Кашкин, С.Ю. Искусственный интеллект и робототехника: Возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в Европейском союзе и мире // Lex Russica. - М., 2019. - № 7 (152). – С. 151-159.
22. Кашкин, С.Ю. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском союзе / С.Ю. Кашкин, А.В. Покровский // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). - М., 2019. - № 4. – С. 64-90.
23. Artificial Intelligence & Human Rights: Opportunities & Risks / Raso F., Hilli-goss H., Krishnamurthy V., Bavitz C., Kim L.; Berkman Klein Center for Internet & Society research publication. – 2018. – P. 3-62.

Поступила в редакцию хх.хх.2025 г., рекомендована к печати хх.хх.2025 г.

HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Matvienko E.A.

The article analyzes the main directions existing in the scientific doctrine in the field of human rights in the context of the use of artificial intelligence systems as a response to the ongoing globalization and integration processes. The author provides both the positive aspects of the introduction of artificial intelligence technologies and the likelihood of their adverse impact on human rights.

Keywords: human rights and freedoms, globalization, integration processes, artificial intelligence system, human rights protection.

Матвиенко Екатерина Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Российская Федерация, ДНР, г. Донецк.
E-mail: k.matvienko.donnu.jur@mail.ru

Matvienko Ekaterina Aleksandrovna
Candidate of law, Associate Professor, Associate Professor at Department of Theory and History of State and Law of Donetsk State University,
Russian Federation, DPR, Donetsk.
E-mail: k.matvienko.donnu.jur@mail.ru

Научное издание

Вестник Донецкого университета.

Серия 06. Юридические науки

Научный журнал

2025. – № 1.

Технический редактор: К.Е. Свиридова

Адрес редакции:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 283001, Российская Федерация, ДНР, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24,
E-mail: redact.dongu.jur@mail.ru URL: https://dongu-vestnik06.ru

---

Подписано к изданию 28.02.2025 г.

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, Российская Федерация, ДНР, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24.